

Министерство культуры и молодёжной политики Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Юрий Сизов

Пробуждение

Стихи

Русское эхо
2011

Сизов Ю.А.

С 34 Пробуждение: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2011. — 280 с.

ISBN 978-5-904319-53-3

Сизов Юрий Александрович родился в 1951 году в селе Довольное Новосибирской области. В 1973 году закончил Куйбышевский политехнический институт. Работал инженером, главным инженером на нефтяных предприятиях Куйбышевской области. Десять лет возглавлял Статистическое управление г. Тольятти. В настоящее время — директор компьютерной фирмы «Информ-система».

Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России.

В эту книгу вошли избранные произведения поэта.

ISBN 978-5-904319-53-3

© Сизов Ю.А., 2011.

© Русское эхо, 2011.

Вампирча

По дороге я брёл, по озябшей, пустынной дороге,
Среди жёлтых равнин и клубящихся дымных огней,
По колючей стерне и мне встретился странник
убогий,
Я спросил у него: «Что на свете печали сильней?».

Я спросил у него, закрываясь ладонью от света:
«Для чего мы живём, прозябая в забытой глуши?».
И ответил мне он: «Ничего я не знаю про это»,
И в молчаньи ушёл, преумножив тревогу души.

Он смотрел на меня отрешённым, невидящим
взглядом,
Образок на груди и печаль на высоком челе.
Где встречал я его? У могил за церковной оградой,
На иконах святых, просиявших на русской земле?

И за ним я пошёл по туманам холодного утра,
Вдоль безлюдных дворов, осторожно ступая
 след в след,
По ковыльной степи, по небесным огням
 перламутра,
Что сияли во мгле, по дорогам истраченных лет.

И звучали во мне грозных гимнов великие звуки
Непокорных славян, и душой я почувствовал вновь
Содроганье земли, бедной родины крестные муки,
И пылала во мне к возрождённому миру любовь.

Пробуждение

Своего пробужденья я жаждал давно.
Вот и грянуло утро. Раскрылось окно.
И заря полоснула огнём по стеклу,
И испарина вдруг проступила на лбу.
Я так долго во сне по распадкам блуждал
По колено в воде, обходя чернотал.
Среди жёлтых, промокших, печальных полей,
Приозёрных раkit и седых тополей.
Беспросветной тоски, нескончаемых вьюг,
Встреч недолгих и долгих, как вечность разлук.
Я хочу в час рассвета увидеть тебя —
И страну, где мы жили, друг друга губя.
Ту, которую я, полюбив, не узнал,
Где стоит всех прощаний бессонный вокзал.
Неужели ты хочешь вернуться туда,
Где злоеще темны и мертвы города?
Где в колодцах и днём непроглядная мгла,
Где сквозь занавес сна ты меня позвала?
Что же делать мне там, вдалеке от земли,
Где уже не кричат в облаках журавли?
Где уже не поёт по распадкам вода,
Повторяя стократ: «Ты куда?
Ты куда?».

Ты оклихни меня, позабыв свою грусть,
С белоснежных небес я обратно вернусь.
Я вернусь в край берёзовый тёплых дождей,
Льющих тихую грусть на асфальт площадей,

Умирающих, серых, печальных снегов,
В край серебряных вьюг и предутренних снов.
Опрокинутых тонкою линией в медь,
Снов, похожих на жизнь,
Снов, похожих на смерть.
Где весёлое пламя сверкает огня,
Где однажды любовь позабыла меня.
Где под звёздною бездной слепящих огней
Мы ловили сетями игривых линей.
Замирали и падали в синюю мглу,
И крутили гудящую звонко юлу.
Где в траве, утонув, глядя долго в зенит,
Я услышу, как летнее поле звенит,
Застрекочет кузнечик, мне станет легко,
И гроза прогремит далеко-далеко.
Луч блеснёт, догорая, в сиреневой мгле,
Где бродили когда-то и мы по земле.
По зелёной воде, по зелёным лугам.
Всё прощая друзьям, всё прощая врагам.

Ответ

Я — тот Адам, что был когда-то болен
Тоской в груди по синим облакам.
Я — нищий раб под сенью колоколен,
Упавший ниц к Спасителя стопам.

И свет любви во мне, и голос муки,
И скорбный путь во тьме сквозь дикий край,
Я слышу песни Херувимской звуки
И вижу мной не сохранённый рай.

Кто я такой — земли извечный странник,
Живущий в гиблой, облачной стране,
Кто я такой — Отечества изгнанник,
Но верю я, Ты помнишь обо мне.

И, приобщаясь к тайне сокровенной,
И, прозревая, слышу Твой ответ:
«Гряди по Мне, неси свой крест смиренно —
Я — путь, Я — жизнь, Я — истина, Я — свет!».

Когда душа безмолвно будет падать,
Как жёлтый лист на мокрую траву,
Не знаю я о том, кто будет рядом,
Кто будет горевать, когда уйду.

И целый мир, что я держал в ладони,
Сожмётся до молчанья, до листка,
И безвозвратно в сумерках утонет,
Прошелестит травинкой у виска.

Что будет в том последнем тихом звуке?..
Вспорхнёт душа, как птица из горсти,
Забыв весь мир: надежды, слёзы, муки —
Одно лишь слово вымолвит: «Прости».

На дне реки, где ил и запустение,
Где луч блестит в зелёной глубине,
Торжественно, как в первый день творения,
И зыбко всё, как будто бы во сне.

И зной плывёт над замершей рекою,
И звон стоит кузнечиков в стерне,
И так легко довериться покою,
И песне той, что всё ещё во мне.

Иду по листьям сентября,
По жёлтой прели листопада,
В который раз тропу торя
Сквозь тьму осеннего распада.

Как дерево держало лист,
Так я держу весь мир в ладони.
И слушаю далёкий свист —
То ветер одичавший стонет...

А там, за гранью бытия —
Высокий свет вселенской муки,
И этот странный день, и я,
И ночь пришедшая, и звуки...

Мелодию весны выводит соловьях,
В окрестной тишине звучание цикад.
О, как светло вокруг, восторженно и тихо,
Из окон и щелей свет бьёт в уснувший сад.

Там в зарослях кустов излом пугливой тени,
Усыпан серебром небесный окоём...
И хочется упасть пред Богом на колени,
И плакать, и молчать, и раствориться в Нём.

Синий сумрак, подтаявший снег,
На дороге глубокие тени,
Торопливый смешной человек,
Поскользнулся, упал на колени.

Глянул в небо сквозь мрак бытия,
Не почувствовав брэнного тела,
И струилась метель, как змея,
И в глаза, не мигая, смотрела.

Вдруг увидел он звёздный простор,
Океан первозданной свободы.
И почувствовал неба укор
За бесцельно прожитые годы.

И метался отравленный век,
Все долги собирая и пени.
И заплакал смешной человек,
Пав пред Славой Небес на колени...

Как слепые, бредём наугад.
Хоть кричи, хоть залейся слезами,
Покажи мне, кто брат, а кто враг,
Все с сумой, все с ножами.

Мне поведай заветы свои,
Тайных троп покажи мне пределы.
Твои белые росы в крови,
В язвах страшных пречистое тело.

Братской кровью позора не смыть,
Если снова прольётся.
Может быть, может быть, может быть,
Божья милость вернётся.

Уходит Русь спасительной дорогой —
Пустеет мир и умирает свет.
Пусть первой даст она ответ пред Богом,
Храня в душе извечный с Ним завет.

Она идёт голгофскою пустыней,
Где ветра стон да горькая полынь,
На раменах неся свои святыни:
И крест, и кровь, и золото, и синь.

Вот и горечи нет,
Вот и радость моя на исходе,
Полыхают огнём на закате Твои купола
Среди чёрных оград.
Светлый ангел по раю проходит,
Среди чёрных оград
Проплывают два белых крыла.

Ты меня забери
В жгучий пламень осенней метели,
В море жёлтой листвы
Разгорелся рябиновый стяг,
На утрюмой земле
Мы прощать и любить не умели,
И разрушили жизнь,
Превратившись в бездомных бродяг.

Понеси меня в рай,
Светлый ангел, по кромке заката,
Мимо серых домов
По таинственным заводям сна,
В город вечной любви,
Где созвездья в сто тысяч каратов,
И молитва Твоя
Смуту сердца очистить вольна.

И растает печаль,
Звёздных круч опустеет громада,
Светлый ангел уйдёт,
Повернувшись лицом на восток.
Светлый ангел, прощай.
В жёлтых дебрях осеннего сада,
Заблудившись, летит
Над землёй уже мёртвый листок.

Там в полумраке бедных келий
Мерцанье восковых свечей.
Молчат темнеющие ели,
У монастырских стен — ручей.

Врата в иную жизнь открыты
Для всех, смилившихся душой.
И слёзы жаркие пролиты
За каждый грех безумный твой.

Слышу издали звон колокольный.
И до праздника несколько дней.
И колышется ветер привольный
Белым облаком вербных ветвей.

Звон печальный, но тонкие ветки
В мир несут Воскресения свет,
В ночь пасхальную яйца соседки
Красят луком в малиновый цвет.

Остальное всё стёрто судьбою,
Говор нищих и скорбен, и тих,
Что случилось, Россия, с тобою?
Ты не плачешь о детях своих.

Слово правды сказать ты не смеешь,
Мчится в бездну евангельский конь,
И от мысли одной онемеешь:
Благодатный ли вспыхнет огонь?

Ты Россию с древних лет
Любишь, а глядишь сурово?
И услышал я ответ,
Его царственное слово.

Не забуду дел её —
И святых, и беззаконных,
Слово в ней живёт Моё —
В небесах её бездонных.

Если б чуждою была —
Дал бы ей в карманы злато,
Чтобы ела и пила
В белокаменных палатах.

Чтоб пришла на Страшный Суд
В багрянице дел позорных,
Дам ей очищенья труд,
Пусть живёт в палатах горних.

Обновлю её любовь,
Помнит пусть мои угрозы,
Грех её омоет кровь
И молитвенные слёзы.

Моя душа на привязи живёт,
Жуёт и пьёт, и тянет лямку жизни,
И слышит голос ветреных высот,
И слышит плач о сгинувшей Отчизне.

Она живёт среди большой беды,
Врагам её ухватистым переча,
И доживёт, быть может, до среды,
А там до воскресенья недалече.

Я разгадал коварство слов,
Обман загадочных улыбок,
Читаю лишь молитвослов
Под всхлипы белоснежных скрипок.

Любовь и преданность — редки,
А нежность — слабости примета.
Люблю пожатие руки
И блики утреннего света.

Пусть всё свершится в свой черёд —
Глуха церковная ограда...
Не жду того, что не придёт,
В смиреньи — истинная радость.

Возьми меня в желанный сад покоя,
В круг праведных трудов,
Где монастырский месяц над рекою
И райское изящество цветов.

Где праведника слышится молитва
И теплится лампада у икон,
Но почему тоска остра, как бритва,
И гулок колокольный перезвон?

Развей печаль, сотри остаток ночи
И успокой страдающую грудь,
И сделай путь спасения короче,
И в Царствии Своём не позабудь.

Небесная печебница

Я чувствую, что что-то происходит
Таинственное на небесах —
К нам ангелы бесплотные подходят
И взвешивают судьбы на весах.

И назначают горькие лекарства,
И в книгу жизни пишут имена.
На пользу и страдания, и мытарства —
Потерями врачуется вина.

Но понимаем это мы едва ли,
Истлеет плоть — как обветшавший хлам.
А мы ещё чего-то ожидали,
Как жалко будет расставаться нам.

Молитва тихая звучит
К Тебе, Святая мать,
И сердце бедное молчит —
Зачем ему страдать?

Когда Ты рядом, мне легко —
Твой образ сердцу мил—
Как звёзды Божьи далеко,
А наших мало сил.

Среди отчаянных потерь
Покоя в жизни нет...
Уходишь Ты —
Не скрипнет дверь,
Свечи не дрогнет свет.

Ужели мне в долине зла
Здесь одному блуждать?
— Я, может, вовсе не ушла,
Зачем же горевать?

Эта древняя книга меня возродила,
И душа ожила.

встрепенулась, как птица,
И светлая сила оградила от зла.

Наугад я читаю любую страницу,
Как к врачу,
Я вхожу в эту книгу,
как входят в больницу,

И молчу.
Божьих воинств полки огнелики, крылаты —
Их сверкает броня,
Может быть, в те полки
попадёшь ты когда-то,
Всех простив и меня?

Но мне всего казалось мало —
Я неумерен был. Душа
Ни в чём границ не признавала,
Всё на своём пути круша.

Но нет свободы без границы,
Как моря нет без берегов,
И потому пришлось смириться —
Что делать, если мир таков?

Моя душа мудрее стала.
Воспрянув будто от сна,
Я понял: красота кристалла
В огранке мастера видна.

Где же край у земли?

Счастья я не искал —
На земле не бывает покоя
Я хотел разузнать,
Утомившись от громких речей,
Где же край у земли?
И какого планета покроя,
И куда утекает
Времён безначальный ручей?

Где же край у земли?
Походил, побродил, пообъездил,
Ничего не нашёл —
Лишь прозрачные блики зари.
Где же край у земли?
Может быть, у далёких созвездий,
Где кончается всё,
Кроме Веры, Надежды, Любви.

Проходит всё — и радость, и тревога.
Беззвучно дождик капает с утра.
Нет ничего ненужного у Бога —
Всё сочтено — и жесты и слова.

Шумит вода по трубам водостока
И миновала летняя жара,
И виден край... готовится в дорогу,
Вещает сердце бедное — пора.

Зажглась звезда — одна, вторая.
Дрожит огнями небосвод...
И ангел пастухам вещает:
Спаситель в грешный мир грядёт.

Он учит и любить, и верить,
И выше правды силы нет.
Не предавать, не лицемерить,
Когда безумствует весь Свет.

То казни, смуты, то расстрелы,
То милость, то Всемирный Суд...
Он к нам идёт в одеждах белых,
А на Голгофу крест несут.

Угрюмы фарисеев лица
И день в объятьях темноты...
И путь Его предвечный длится,
Скорбей, лишений, немоты.

А мир кричит, как злобный аспид,
Вослед: «Распни Его, распни!».
И вот Владыка мира распят —
И: «Кровь на нас», — кричат они...

Свершилось! — каменная груда
Вдруг сотряслась и путь открыт...
И тень предателя Иуды
В огне негаснущем дрожит.

Премудрости самой
Ты разгадай следы,
Раскрась равнины дней
Сиреневым туманом —
Из чаши бытия,
Отпив глоток воды,
Дорогами земли
Я бредить перестану.

На жёлтые поля
Низринь огонь зари,
Глаголами любви
Рассей смертельный ужас,
Пусть милость и покой,
И вечный свет любви,
Наполнив бренный мир,
Добру и правде служат.

И стихнет бури звук,
И в горечи потерь
Исчезнет вечный страх
Перед всевластьем тленья...
Вдруг море восшумит
И выйдет страшный зверь,
Мучитель и злодей,
Предвестник воскресенья.

О, бабочка, лети!

Ю.П. Кузнецову

О! Как она легка, нарядна и изящна,
На празднике цветов порхает в синеве...
И тонкий звон цикад,
День в бесконечность длящий,
И трав пьянящий дух,
Пришедший к нам извне.

С заоблачных полян
Сиянием манящих,
Где беспечальных дней
Рассыпаны следы,
Где свет Его одежд
И глас животворящий,
И стебелька излом —
Предчувствие беды.

О! Этот вечный день —
С надеждой сокровенной,
Но огненной рекой
Рассечены пути,
И всё забывший мир,
И призрачный, и тленный,
Уходит навсегда —

О, бабочка, лети!
Оставь зелёный лист,
Опреди мгновенье.

Я чувствую,
Цветов вдыхая аромат,
Неизъяснимый страх
И тайное стремленье
Вернуться в горный мир —
Назад, назад, назад.

О, бабочка, порхай!
Из бездны нет возврата,
На празднике цветов
Мы были не нужны,
И наша жизнь темна,
Разорвана, разъята,
В ней места не нашлось
Для крыльев и души.

Богоявление

Я помню рощи опустевшей бред,
Где по утрам звучали птичьи трели,
И блики дня, и отрешённый свет,
Священное пришествие метели.

И купола над замершей рекой,
Там, за церковной кованой оградой,
Сиял ещё не познанный покой,
Нисшедший из невидимого града.

Я издали предугадал тогда
Спасенья путь и голос звонкий, верный,
И ощутил душою, что вода
Богоявленская очищена от скверны.

Вечерний свет

Дождя почти беззвучен плач,
Ромашки в поле у кладбища,
И озирает строгий грач
Заброшенное пепелище.

И свет струится с небеси,
Не рукотворен и печален,
Нелёгкой долей на Руси
Всех чистых сердцем отмечали.

В моей душе он не угас,
Пришелец из просторов млечных...
О, если бы от смерти спас
Твой тихий Свет, Твой Свет предвечный.

Небесные огни

Я бы вспомнил ещё, может быть,
про другое,
Просто поздно уже — возвращаться пора,
Ветер листья сухие взметает пургою
И тревожно шумит за окном до утра.

Я бы вспомнил, да, видно, тебе и не надо,
Этих слов непонятных, пустых миражей,
Что за странная осень стоит за оградой,
Освещённая грустью небесных огней.

Постою на дороге, размытой дождями,
У подножья мерцающей звёздной горы.
Что же делаешь Ты со своими гостями,
Что пируют всю ночь до рассветной поры.

На промокшем крыльце
в телогрейке старинной
На порожек присяду, на звёзды взгляну,
И окажется ночь
бесконечной и длинной,
Непонятной молчаньем своим никому.

И в смирившемся сердце затихнет тревога,
Чисто вымыты окна слезою дождя,
Тихо гостюшка спит и сияет дорога,
По которой уже не дойти до Тебя.

Пишу стихи, но всё не то,
Другая для души нужна свобода,
А по утрам, сняв с вешалки пальто,
Гуляю, если тихая погода.

На тёмных стенах выцвел гобелен,
В углу висит бумажная иконка.
Я привыкаю жить без перемен,
И удивляюсь мудрости ребёнка.

Над ним времён не властна суета,
Прочь смуту чувств — я возжелал смиренья.
Я жить начну, как с чистого листа,
И выучусь молитве и терпенью.

Ты сотворил земную твердь,
Просторы огненного неба,
О! Научи меня терпеть
Насущного подай мне хлеба.

О! Научи меня терпеть
Хулы людские и наветы
Моей души очисти клеть
И осени нетварным светом.

Дай силы за Тобой идти,
Сотри лукавые личины,
Дай крест спасения нести
Не прекословя – до кончины.

О, научи меня прощать,
И воздавать добром за злое,
Из книги бытия изгладь
Моё нечестие бывшее.

И веру, и смирение дай –
И защити от злого рока,
И покажи небесный рай,
Глаголом обличи пророка.

Очисти сердце от страстей,
Очисти покаяньем душу,
Чтоб праздных я не знал речей
И клятв крещенских не нарушил.

И будь водителем моим
Во тьме земного нестройства,
И дай испить кадильниц дым,
И Духа веяньем откройся.

Загляделась церквушка на небо,
Купол колоколенки высок...
Дай нам, Господи,
Тепла и хлеба,
Дай дожить сегодняшний денёк.

Заберёшь ли в светлые покои,
Царские хоромы хороши,
Дашь ли рубище
Нехитрого покроя
Для убогой нищенки-души?

Много ль ей, ослушнице, и надо? —
Видеть неба золотую твердь.
Дай нам, Господи,
Смирения ограду,
За Тебя души не пожалеть.

Гроза спалила обветшалый кров
И от двора осталось пепелище,
И рёв стоял испуганных коров,
И ветер выл, огню дававший пищу.

Среди беды безумец был один,
Что повторял меж грозными громами:
«Здесь Бог прошёл!». И бестелесный дым
Он целовал дрожащими губами.

Нищие

И мы этот мир любили,
Скитальцы грешной земли,
В клубах дорожной пыли
Мы на восток брели.

Мёрзли в стране-подвале,
Пили портвейна муть
И всё же мы угадали
Сердцем спасительный путь.

Смирение — вот дорога,
Упорно идём по ней,
Нищие духом — у Бога
Радостных много дней.

Нищенством Он не обидел,
А от гордыни спас...
Просто мы глубже видим,
Просто мы любим вас.

Санаксарский монастырь

Он, как корабль, во мгле плывёт,
Объятый царственной порфирой,
И ко спасению зовёт
Болящих всех, убогих, сирых.

И разбивает грех во прах
О монастырские каменья,
И вкореняет Божий страх,
Душе даруя исцеленье.

У этих обветшавших стен,
Побитых временем безбожным,
Пред вечным отступает тлен,
Спасенье близко и возможно.

Век наш суетный и бесполезный,
Век болезненный и заводной,
Кто-то мрачный, упорный, железный
Ходит шагом тяжёлым за мной.

Смотрит пристально вслед, не мигая,
Двойником надоедливый став,
Мировую всерьёз предлагая,
Пятый туз перепрятав в рукав.

Чёрным призраком кружит в метели,
То тоскливо затеется выть,
Мы понять этот век не умели,
Не сумеем его позабыть.

Пусть он духу лукавому служит,
Но его не прогонишь взашей...
Я глухой канонадой контужен
Уходящих в беспмятство дней.

Ну, а если он всё же догонит,
Есть упорство ужасное в нём...
Припади к потемневшей иконе,
Помолись о спасеньи моём.

Голубиная почта

Бродит сумрак угасшего лета,
Мне не спится — такие дела,
Раньше вести летели по свету —
Голубиная почта была.

Где найти мне почтовую птицу,
Чтоб продолжить с отцом разговор,
Он ушёл во сырую землю
И не пишет мне писем с тех пор.

В небе сумрачном зарево дышит...
Белый голубь присел на карниз,
Пышным веером ходит по крыше
И на голос спускается вниз.

Я его покормлю у крылечка,
Душам, жившим, пусть будет в помин,
И замрёт, и заплачет сердечко
От каких-то нездешних причин.

Храм

Храм осквернён,
Со стен взирают лики
Провалами раздробленных глазниц.
Я в храм вошёл:
Пугающие крики —
Галдело вороньё,
Других тревожа птиц.

Чернели в глубине
Обугленные стены
И горы истлевающей трухи,
Произошла ужасная измена —
Здесь пала Русь
В безбожия грехи.

Пронзая полумрак,
В полутонах багряных
Столбом из окон падал яркий свет,
О! Сколько нас, неверных,
Окаянных,
О! Сколько нас, твердивших:
«Бога нет».

И вот теперь, познав страданья меру,
Восстали мы, как трупы из гробниц.
О, Господи, зажги в нас
Пламень веры
И храм избавь
От этих чёрных птиц.

Я слышу музыку миров
И вижу солнечные дали,
Душа всё чувствует без слов,
Её обманешь ты едва ли.

Она обмана не простит,
Но даже вида не покажет,
В земном просторе погостит
И слова лишнего не скажет.

Потом на небо улетит —
Ей это ничего не значит,
И там обидчиков простит
И о заблудших всех заплачет.

Давай не будем горевать
О том, что этот мир уходит,
Его не в силах удержать
Вся прелесть, данная природе.

Не удержать, не умалить,
Пустое дело слёзы лить,
Неумолим он и жесток,
Его премудрость — между строк,

И тайна горестного тления,
И шороха, и удивления,
Всего, что было в нас с тобой
Непостоянного и злого...
Ах, да, в начале было Слово —

Скажи, а ты любила звон
Цикад, играющих на флейте?..
Церковный прозвучал канон,
И всё, и всё, и слёзы лейте.

То, что выпадет мне, то и будет,
Наша доля в ладонях у Творца,
Никого Он из нас не забудет,
Если помнит Он даже скворца.

И другую залётную птаху,
И травинку весенней земли,
И нельзя о Нём думать без страха,
Ну, а паче всего — без любви.

На грани дня, минуты и мгновения,
Когда вседневный умолкает гам,
Плывёт над миром музыка творения,
Вибрирует невидимый орган.

И звуки сфер, и ангельских напевов,
Что из миров невидимых пришли,
Слышны бывают непорочным девам
И мученикам горестной земли.

В кругу друзей, в минуты озаренья —
Мне слышен звук нездешних голосов,
Призыв любви, весёлой вьюги пенье,
Суровый шум таинственных лесов

И жизни гимн, эпох далёких лица...
И хочется напевам тем внимать,
И верить в то, что время будет длиться,
И верить в то, чего нельзя понять.

Великая Суббота

Апрель идёт, великая суббота,
Природа ждёт воскресшего Христа,
В движеньи всё, оставлена дремота,
Молитву шепчут тихие уста.

И во дворах и убрано, и чисто,
Особый чин, церковный перезвон,
И на душе таинственно, лучисто,
И теплится лампада у икон.

И надо бы забыть свои заботы,
Не согрешая суетою впредь.
В молчаньи всё, в Великий День Субботы,
Христос во аде побеждает смерть.

Я погружаюсь медленно на дно
Событий дня, пью горькое вино,
Которое зовётся бормотухой,
Нестройный гул... доносится до слуха
Скрип тормозов несущихся авто.

Убогий быт, что жизнью все зовут,
Неизъясним, тягуч и непонятен,
Он испещрён цветной палитрой пятен,
Наполнен ложной мудростью земной.

И чем-то, уходящим навсегда.
Жалеем мы о слове невозвратном,
Которое мы бросили в сердцах,
Несправедливо обвинив кого-то.

И вот теперь расплатою оно
Вернулось к нам, усилившись стократно,
Из толщи глаз и бесприютных душ...

Но изменить прошедшее нельзя
И потому несём мы наказание,
Страданьем созидая чистоту...

Страдать за то, что ты уже забыл!
Но не забыли мрачные субъекты,
Ни слов, ни дел — у них всё сочтено
На Судный День...

А помнишь ты, как жили мы когда-то,
Счастливые, но не умели мы
Понять себя, понять судьбы намёки...

Что Гамлет, что Овидий, что Геракл —
Кто избежал метаморфоз печальных?
Но есть Спаситель мира, Он один
Разрушил своды мрачных подземелий
И вывел на свободу, но лишь тех,
Кто захотел жить по Его закону.

Вот мудрость в чём, вот истинная цель —
Служить Ему, идти за ним и верить
До муки, до последнего дыханья,
до смертной боли

Верить лишь Ему,
Отринув призрак суетного века,
Его приманки и мечты пустые...

Отринуть похоть чрева и тщеславье,
И женский яд, и горькое вино,
Всё это бред и смерть, и бесполезность.
Без помощи Его нельзя перебороть
Весь этот смрад, что разрушает счастье.

И, вот врачуя души покаяньем,
Мы воззовём к Творцу — Его мы дети,
Чтоб Он исторг нас из безумья злого
И жить призвал в селениях своих.
Где Сам Он лечит и тела, и души
Питая их смиреньем и покоем.

Невесть какими судьбами способствуй
С Тобою быть — вот чудо, вот любовь!

Расходилась пурга — кот озябший скребётся у двери,
Беспросветная муть и тоска разрывная в груди,
И молчит телефон, современник развала империй,
И такая беда, что не знаешь, куда и пойти.

Чёрно-белый февраль и мороз всё сильнее крепчает,
И гудят провода, поумерила б зимушка прыть!
И молчит телефон, на меня он за что-то серчает,
Потому ни о чём не желает со мной говорить.

Я на кухне сижу в сером сумраке странного дома,
Тараканьи бега, паутина висит по углам,
И обиды свои я легко доверяю другому,
И спасенья ищу, и спешу целый век по делам.

И, когда прихожу в день воскресный
к церковной ограде,
И в молчаньи вхожу в Дом Господень, смиренье храня,
Богородицы лик в почерневшем старинном окладе
С теплотой неземной так печально глядит на меня.

Я, может быть, умер уже
И этого сам не заметил.
Такое смирение в душе,
А мир беспечален и светел.

Вершится сквозь годы полёт,
Но сердце моё не остыло
И время сквозь пальцы течёт,
Его нам на жизнь не хватило.

Срываю в испуге стоп-кран,
Я жив — остальное неважно.
Гудит бытия океан,
Упорному сердцу не страшно

Надеяться, верить и жить,
И встреча с Творцом неизбежна,
И хочется снова любить,
И петь о далёком и нежном.

В чужой стороншке безвестной,
Туманом вечности дыша,
Томится будто в клетке тесной
Моя смиренная душа.

И ничего не понимает
В привычном развороте дней,
Она, как нищенка немая,
Живёт молитвою своей.

Повергла ниц богов жестоких,
Весь мир считает за пустяк,
И понимает одиноких
Бездомных кошек и собак.

Казалось мне, жизнь будет длиться вечно,
И новая весна нагрянет, как всегда,
И зазвенит капель под окнами беспечно,
И над землёй взойдёт высокая звезда.

И будет март стоять, и требовать полёта
От бедной той души, смывая пыль времён,
И будет чуда ждать Великая Суббота,
И задрожит земля, прервав тяжёлый сон.

И застучит капель — как многоточья звуки,
И падает звезда над замершей рекой...
Я жду, чего я жду — ещё какой же муки,
Ещё какой любви и верности какой?

Хлеб насущный, да это ли важно —
Русь не хлебом единым жива.
Пусть ворует чиновник продажный
И о смуте пророчит молва.

Не страшись, что враги у порога,
Им настанет отмщения час,
Важно то, что мы веруем в Бога,
Важно то, что Спаситель за нас.

Вручили всем жаждущим зла по ножу,
Обманом глаза завязали.
Для вида пустили обиды слезу,
За смерть посулили медали.

О, Боже, зачем ты предателям дал
Преступную власть над страной? —
«Затем, чтобы плач ваш молитвою стал
За их равнодушной спиной».

Скажи мне, что любовь такое
И из каких приходит мест,
Что это небо голубое,
Что дышит заревом окрест?

Скажи мне, отчего мне больно
Смотреть на звонких листьев медь?
Скажи мне и с меня довольно,
Чтоб жить Тобой и умереть.

А.В. Громову

...когда же схлынет суета,
Та, от которой в сердце тесно,
Наполнит душу красота,
Как весть о Царствии Небесном.

Тогда попробуй сохрани,
Сей миг первоначальной силы,
И пусть потеряны те дни,
В которых сердце не любило.

Ты будешь жить лишь этим днём,
Ты будешь жить лишь этим светом,
И если мы с тобой споем,
То лишь об этом, лишь об этом...

Я вспомнил наш дом у заросшей запруды,
Где белые лилии плыли во мгле,
Простите меня, но я больше не буду
Жить никогда на земле.

Пытливым я был сродни Архимеду,
На тех, кто мне дорог, растрачивал пыл,
Простите меня, но я к вам не приеду,
Я всё адреса позабыл.

Зачем обращаться к незрячей Фемиде,
Пытаясь поймать выражение глаз.
Простите меня, если чем-то обидел,
Я буду молиться за вас.

Не то чтоб меня здесь мытарили сильно,
Не то чтоб я очень скорбел,
На этой земле, безусловно, цивилизной,
Я просто немного робел.

Когда на войне убивали солдата,
Когда убивали бомжа...
Когда они долго просили Пилата,
Угрюмому богу служа...

И он согласился на просьбу их злую,
Он робостью тоже страдал...
Мой мальчик, давай я тебя поцелую
Затем, чтоб ты страха не знал.

Я похож стал на зверя лесного,
Головастого, с проседью в дым,
И бреду я по осени снова,
Неизбывной тоскою гоним.

Вот и заводь зелёная блещет,
Только где это я, не пойму,
А из заводи смотрит подлещик
На большую, в щербинках, луну.

И безлюдье, и тишь на болоте,
Хищных крыльев бесшумный полёт,
Раньше здесь всё кипело в работе,
А теперь здесь никто не живёт.

Сколько лет полетело, не знаю,
Всё повымерло — сонная тишь
Лишь под кустиком серенький заяц —
Ну, чего ты, трусишка, дрожишь?

Закат упал в сентябрь,
Причин разъялись звенья,
Багряная заря
Сверкала, как кинжал,
И я стоял один
Средь ужаса и тленья,
Среди осенней мглы
И чуда ожидал.

И трепетал весь мир,
Скользя по тонкой грани
Случайности причин...
Я чувствовал испуг.
Стремнина бытия
Разверзлась между нами,
Из бездны грянул гром
И всё исчезло вдруг.

Я слышал голоса
И крик в пустынной роще
И оборвался крик —
Настала тишина.
Преображался мир:
Он становился проще,
Исчезли миражи,
Застыли времена.

Среди погасших звёзд
Мне было очень тесно,
Торжественно звучал
Иного дня мотив.
И вечность за окном
Дрожала, бестелесна,
На ветке бузины
Сухим листком застыв.

Проводы

Бирюзовое небо
Упирается в стол,
Запах поля и хлеба
На меня снизошёл,
Постаревшие хаты,
В печке жаркий огонь,
На перроне солдаты
Да лихая гармонь.

С тем лихим гармонистом
На перроне стою,
Мы плясали со свистом
В том сосновом краю.
И стонали, и пели
За селом глухари,
И шальные метели
Закипали в крови.

И летели в просторе
Звёзды, падая в прах,
Гасли летние зори
В тополях, в тополях.
И играла в нас сила
Тех былинных времён...
Где б меня ни носило,
В этот край я влюблён.

Я влюблён в этот вечер,
В деревянный наш дом,
Он заката увенчан
Золотым лепестком.
И легко, и привольно,
И тепло на душе.

...там ковыльное поле
Или вечность уже?

Посвящение другу

Преодолев глухую тяжесть плоти,
Он уходил в распахнутую высь,
Объяв весь мир в таинственном полёте,
Невидимый — в неведомую жизнь.

Но стал серьёзней и в одно мгновенье
Вдруг просветлел, непонятый никем.
Казалось, он читал стихотворение
И в то же время оставался нем.

Он видел степь, куда он скоро ляжет,
Он видел мать у скромного креста,
И думал он, что, возвратившись, скажет,
Что жизнь начнётся с чистого листа.

А город был и тих, и равнодушен,
И мёртвый дух, струясь из мёртвых тел,
Шептал во тьму: он никому не нужен,
И чёрный ветер в проводах гудел.

Ты глядишь на меня с упрёком,
Я и сам упекаю себя,
Но бывает душа жестока,
Грусть осеннюю пригубя.

Верить чувствам минутным не стоит,
Время призрачное — пустяк,
Есть души измеренье иное,
Дней грядущих особый знак.

Пусть изменятся в мире новом
И трава полевая, и зверь,
Не изменится только слово,
Нами сказанное теперь.

Не потому, что этот мир без цели
Уходит в бездну в отсветах огня,
Не потому, что счастья захотели
Мы на изломе гаснущего дня.

Не потому, что здесь на перекатах
Двоится явь в набеге светлых струй.
О, бедные, мы сами виноваты,
Что времени — всего на поцелуй...

Разлука — маленькая смерть,
Жаль, встреча всё ж не воскресенье.
Я в плащ закутался осенний —
Совсем не время заболеть.

Совсем не время горевать,
Искать у осени сочувствия,
Уроки тягостные брать
И увяданья, и предчувствия.

И волноваться, и спешить,
Всё время ожидать развязки,
И безбоязненно шутить,
Смешать отчаянно все краски.

Любовью сердце обогреть...
Болят глаза от глади белой.
Разлука всё-таки не смерть,
А просто хлопотное дело.

Земля толпой истоптана, избита.
Не потому ли тянет нас к реке,
В которой камни зеленью увиты
И голоса стихают вдалеке?

Волна стоит и дышит, засыпая,
И на изгибах звёздной тишины
Ничейная тропиночка крутая
Скользит по окоёму до луны.

Где среди звёзд, среди небесных высей,
Туманностей и допотопных вод
Ты по лучу идёшь походкой лисей,
К моей звезде приблизишься вот-вот.

Полыни пью вечернюю отраву
И слушаю ночного соловья.
У этой птахи мировая слава.
И что ему нападки воронья?

Стою в кустах, прислушиваюсь тихо,
Укрывшись среди трепетных раки.
А знаешь ли, что только соловья
Поёт всю ночь, а соловей молчит?

Соль рассыпалась на стол —
Нехорошая примета.
Я к тебе на час зашёл —
Ты оставила до лета.

Солнце скрылось за бугор,
Не печалься понапрасну.
Ляжет осени ковёр
Вдоль дороги лентой красной.

Гуси-лебеди вдали
Над полями пролетели,
До чего же довели
Песни те, что вместе пели.

Птица стукнула в окно,
В душу строго поглядела —
Ты бы знала, как давно
В мире шляюсь я без дела.

Удушливый ветер и зной,
И спины деревьев горбаты.
За этой кирпичной стеной
Мы счастливы были когда-то.

Крушили богемный хрусталь
И били на кухне посуду,
И было ни капли не жаль
Осколков звенящую груду.

Скандалом встревожен был дом
И праведным гневом охвачен,
Склоняясь над чистым листом,
Я так и не зажил иначе.

И время неслоь, как река,
Впадая в великую реку...
Желая меня, дурака,
Быстрее превратить в человека.

Закружилась шальная метель,
Отгулявшего лета не жалко,
За окном, где морозная гжель,
Вспыхнул яркий узор полushалка.

Всё, что мимо прошло, не клян —
Возвращается юность по кругу...
Помнишь, песню мы пели одну
И бессонную слушали вьюгу.

Отчего бесшабашно жилось
И туманились ясные взоры?
И надеялись мы на авось
И крушили кудыкины горы.

И скорбели над общей судьбой,
Проливая слезу об Отчизне.
Ну, хотя б на прощание спой
Песню ту — о любви и о жизни.

Полушалонок на плечи набрось,
Отряхни от серебряной пыли.
Вот и век пролетел на авось.
Вот и песни свои мы забыли!

Солнечный поезд

Вот зайчик солнечный сидит
Напротив, на плацкартной полке,
Он оттого чуть-чуть сердит —
В бок упираются кошёлки.

Ты думаешь, что он грустит?
О, нет, он в облаках витает,
Конфетным фантиком шуршит,
Газету старую листает.

Оконный зазвенит проём
И он уже от счастья скачет.
Мы если с поезда сойдём,
Он от обиды не заплачет.

На верхней полке у стены
Лежат баулы, как медведи.
Он, верно, думает, что мы
Некомпанейские соседи.

На полустанке выйдем мы,
Успев лишь с ним одним проститься.
Своей не чувствуя вины,
Наш поезд солнечный умчится.

Он будет над рекой лететь,
Звения всем тем, что в нём звенело,
А мы пойдём, чтобы успеть,
Пока в дороге не стемнело.

Я голос твой в толпе узнал,
Он всё печальней год от года.
Всю жизнь спешил я на вокзал,
То к поездам, то к пароходам.

Теперь, когда иду один,
Судьбою взятый на поруки,
По краю сумрачных годин,
Я слышу голоса и звуки

И одичавшей вьюги шум,
Вой поездов, что вдаль летели,
И неотвязная на ум
Приходит песня, что мы пели.

Дешёвого выпьет вина,
Покурит в подъезде,
А дома встречает жена —
Век прожили вместе.

И бранные крики опять:
«Уж лучше б ты сгинул, —
Одной, видно, век коротать!» —
И выпрямит спину.

И после рыдает одна,
Ни боли, ни страха,
И мужнину долго она
Латает рубаху.

Я мир изменчивый не понял,
Такой уж, видно, я чужак —
Весь век как будто бы в погоне
За тем, что, в общем-то, пустяк.

А надо жить совсем иначе —
Добро без усталости творить,
И с лёгким сердцем наудачу
По дальним весям колесить.

Заката наблюдая краски,
В самом себе открыть себя.
Добраться даже до Аляски
И целый век любить тебя.

Твоё дыхание

От времени слежались, отсырели
На антресолях пыльных письма,
В них всё ещё безумствуют метели
И дорогие шепчут имена.

Казалось бы, листок бумаги серой,
Но он хранит давно ушедший миг,
И потому с надеждою и верой
Я снова перечитываю их.

И странное судеб существование
В ином каком-то мире неземном...
Так явственно, что чудится дыхание,
Твоё дыхание на плече моём.

Что ж ты медлишь: руками всплесни,
Улыбнись и заплачь, — я не знаю.
Я вернулся, мы снова одни,
Путь закончен и день догорает.

Отчего ты стоишь у дверей,
Опустив свои тонкие руки?
Как жестоки укоры людей,
Нескончаемы наши разлуки.

Пусть исполнится их приговор.
Невесёлая встреча какая!
Сколько дней пролетело с тех пор...
Но не ты здесь живёшь, а другая.

Но не ты здесь живёшь и не я,
И не наш это дворик с ветлою,
Как похожа она на тебя,
Вот взмахнула кому-то рукою.

Для неё я мужчина чужой —
С непонятной и странной судьбою...
И она не поплачет со мной,
И дверей мне она не откроет.

Жёлтых листьев тревожная дрожь
И летящая пологом вьюга.
Ты сказала: одна проживёшь —
Не жена, не сестра, не подруга...

Наливали мы солнце в стакан,
На туманные грани смотрели,
И играл тёмной силой «Агдам»,
И печальные мысли летели.

И метельный кружился февраль,
И белёсые высились стены.
Неужели всё в жизни — печаль
Неужели всё в жизни — измена?

И галдело вокруг вороньё,
И все беды входили без стука,
Неужели всё в жизни враньё —
Неужели всё в жизни разлука?

Говорила — мы встретимся вновь,
Не жена, не сестра, не подруга...
Неужели всё в жизни любовь
И безумная нежность, и вьюга...

Тонкой струйкой льётся свет,
Отражателем бессонным
Посылается привет
Всем мечтателям влюблённым.

Чтобы видели они
Сквозь метельное кружение
Дальней юности огни —
Их тройное отражение.

В бедном сердце, в тихом дне,
В эха отзвуке печальном.
Там, на озере, на дне,
Блещет перстень твой венчальный.

И звенят, и шумят, и поют,
И серебряным облаком тают,
И земной нарушают уют,
И в далёкую даль улетают.

Эти дни, эти звуки и сны,
Эти слёзы и радости годы,
Много грусти у ранней весны
И покоя у летней погоды.

Улыбнись, позови меня в дом,
Убаюкай, как раньше бывало,
Я заплачу, но это потом,
Я умру, но и этого мало...

Я возвращусь, влекомый тайной силой,
Из праха дней и облачных руин.
И воскрешу в себе твой облик милый,
Я возвращусь к тебе, тоской гоним,

В твоих чертах не будет тёмной муки,
Лишь тихий свет закатного огня.
И песнь твоя, её живые звуки
От смертной боли вылечат меня.

Горюй душа моя, горюй хоть напоследок,
Прерви извечный бой и пожалей врагов,
В своих делах расчётливым я не был...
И на потребу дня не сочинял стихов.

Я одинок, по серым дням блуждая,
Божественною милостью храним,
Тянусь душой к уже чужому краю,
Что раньше для меня был близким и родным.

Ни звука. Лишь молчание и нежность,
Ты руку протяни — легка твоя рука,
Прижмись ко мне крылом тугим и белоснежным,
Мгновенье удержи — и пролетят века...

Я странник бедный твой, я друг твой безутешный,
Но на последний бой ещё мне хватит сил,
И, пристальней взглянув на этот мир мятежный,
Я наконец пойму, за что его любил...

Романс

Как похожа она на колдунью лесную,
Тот же хищный оскал и изящный изгиб...
Как похожа она на другую, другую,
Ту, которую я полюбил и погиб.

Дай мне руку твою, я судьбу угадаю,
Не гадай, не гадай, на ладонь не гляди...
Там дымы и пожар, и полощут по краю
Пожелтевших полей проливные дожди.

Оборвётся струна, робко дрогнут ресницы,
Так близка, так близка неприкрытая грудь.
«Милый мой, милый мой, мне далёкое снится,
Звон растерянных дней и осенняя грусть.

И бессонный вокзал, и прощанье, и слёзы,
Жёлтый тамбура свет...» И, свободу любя,
Вновь по рельсам судьбы застучали колёса.
И уже не понять и не вспомнить тебя.

Ты — цыганка, а я — конокрад,
Погуляли мы в жизни немало,
Потускнел твой отчаянный взгляд,
Полинял твой цветной полушалок.

У судьбы ничего не спрошу,
Что б ни выпало — чёт или нечет,
И окурок в снегу потушу.
Долог зимний простуженный вечер.

И увижу спасенья звезду —
Все мы верили в чудо, как дети!
Не тебя, так коня уведу,
Отпущу его в степь на рассвете.

Глаза закрыв, я даль иную вижу,
Она в огне,
Приди ко мне, я больше не обижу,
Приди ко мне.

Я видел всё, я ничего не видел.
Что видел, то забыл.
Одну тебя в беспамятстве обидел,
Одну тебя любил.

Весёлым людям доверяю,
Простым словам.
Иду по осени, по краю,
По вещим снам.

Я доверяю также детям
И старикам!
Что им терять на этом свете?
А нам, а нам?..

Закружит ветер листьев стаю —
Твой взгляд лукав.
Друг другу мы не доверяем,
Чужими став.

И, ощутив в себе прохладу
Грядущих дней,
Шепчу: «Любить меня не надо,
И не жалея».

Когда мой сад зашевелит крылами
И быстрый ветер полем побежит,
И сердце, утомлённое делами,
От звуков непонятных задрожит,

В которых нет ни ласки, ни покоя
И боли нет, а есть лишь только ширь,
И задрожит, заплачет под ногою
Осенний лист — печали поводырь,

Когда меня пронзит прозренья трепет
И тихий свет небесного огня,
Не спрашивай, зачем я жил на свете,
Одну любовь в душе своей храня.

* * *

Жить хочу я,
А не выжить.
Скудное житьё...
Мне бы только имя слышать

Светлое твоё.
Видеть тонкие узоры
Звёздного огня,
Серебристого, который
И сожжёт меня.

Там, у дощатого забора,
Где к небу тянется полынь,
Качался в дымке знойной город,
Июля плавала теплынь.

Жужжал, меняя тембр и голос,
Сердитый шмель над головой,
И ковылей текучий волос
Вздыхался белою волной.

И разливалась лета тайна,
И были мы с тобой вдвоём,
И опрокинулся случайно
На нас небесный окоём.

День светел был, а ночь темна,
Я скован был, а ты вольна,
Судьба прошла по краю...
Я плыл сквозь время наугад,
Я был теплу и хлебу рад,
В земную даль шагая.

Светила яркая звезда,
Заката гасла борозда
И ты печально пела.
И долго плакала потом,
И я родной оставил дом,
А ты любви хотела.

Я эту песню позабыл,
Другую женщину любил,
Тоскою сердце мучил.
Прямых дорог не выбирал,
По ковылям степным шагал,
Надеялся на случай.

Но всё произошло не так,
Хрипел во тьме ночной барак,
Промчалось время все.
Живую воду горстью пил.
Зачем я душу погубил
За выдумку пустую?

Снегов развеяны заставы,
Вчера закончился февраль.
Поёт гармонь у тёти Клавы,
Зимы растаяла печаль.

И капля солнышка на ветке,
И кто-то постучал в окно,
Быть может, гость особый, редкий,
Быть может, это — гостья, но...

Нам и без них с тобой чудесно
Вдвоём дурачиться весь день,
Ты забралась с ногами в кресло,
Рукою отодвинув тень.

Ночной перрон

Ночной перрон, продрогший поезд,
Дождь льёт как будто из ведра.
Мы здесь шатаемся с утра —
Прощаний горестная повесть.

Гудок охрипший время сжал,
Напряжены минут пружины.
В туманном мареве вокзал,
В дождевиках намокших спины.

Неоновый холодный свет.
Я понимаю — время бrenно,
Его уже и вовсе нет —
Прощай, напишешь непременно.

Но знаю я и знаешь ты,
Что встреча вряд ли состоится,
В объятьях тесных суеты
Неразличимы дни и лица...

Под проливным дождём стоим
И ждём холодного рассвета...
И всё же я — уже один,
А ты, а ты... в далёком где-то.

Всё прочее — мелочь

Я сумею прожить без любви
И довольно — влюблённых жалею,
Ветер кружит один по аллее...
Улетели от нас соловьи.

Ну а если ты всё же придёшь?
Что же делать тогда, что же делать?
Лишь бы голос не выказал дрожь,
Лишь бы голос... всё прочее — мелочь.

Снова вспомнится мне

Я пошёл по земле — это дело простое,
Отболела душа миражами огней.
Обернулся — и вижу я поле пустое —
И бесцельное скопище прожитых дней.

Я пошёл по земле — то песочек, то гравий,
В небе гаснущий свет уходящей зари,
Жизнь, возможно, игра, мы играли без правил,
Кто же прав был из нас? Ну, поди, разбери.

По распадам звенит колокольчиком эхо,
Покатались под горку похожие дни.
Остаётся одно — бросить всё и уехать
В те места, где шумели берёзы одни.

Где туманы висели из лёгкого шёлка,
Где дожди барабанили в окна, и вот...
Снова вспомнилась мне золотистая чёлка,
Что мелькала, как пламя, у наших ворот.

Времени прошло немало:
Мы резвились на лугу.
Луг — цветное покрывало...
Убегаешь?
Убегу...

Отстаю и догоняю,
Холодею и горю.
Ты бежишь навстречу маю—
Я — навстречу сентябрю.

Окончен драмы грустный акт.
Претенциозностью измучен,
Снимаю с вешалки пиджак
И ухожу — маршрут изучен.

Нам трудно вместе,
Врозь — трудней,
Любовь бывает и такая,
А, впрочем, что такого в ней —
Обыкновенная, земная.

Когда-то в этих вот местах
Аукали, лисиц пугали,
И в тяжелых сапогах
В футбол гнилушками играли.

Нам было весело... Грущу
Всё реже. День подходит к краю.
Я по околицам свищу,
По перелесочкам шагаю.

И не гадаю о судьбе —
Душа травинке малой рада,
И не тоскую о тебе —
Хотя, наверно бы, и надо.

В общежитии

В общежитии народу
Много разного теперь.
Нет свободного прохода,
Пропуск дай — откроют дверь.

Ночью кашляю натужно,
Рассуждаю — что да как,
Мне теперь немного нужно —
Был бы в тумбочке табак.

Ко всему своя привычка,
Что ж, теперь я холостой.
Суп себе готовлю лично,
Удручённый суетой...

И такая жизнь простая,
А припомню из другой...
Словно музыка играет:
«Дорогая»... «дорогой».

Ты меня не гнала, не держала
И любовь догорела дотла,
Невозможно начать всё сначала —
Потому что на сердце зола.

И шальной, будто не было встречи,
Будто не было жизни самой,
И теперь мне никто не перечит
И никто не зовёт «дорогой».

Хочешь влево иди, хочешь — вправо,
Ну а хочешь, пройдишь колесом,
Руки в брюки, карманы дырявы,
Неустроенность в сердце пустом.

Доказал же я, парень упрямый,
Что я тоже чего-то могу.
Но на случай, на крайний на самый,
Телефончик я твой берегу.

Побрит, пострижен, отутюжен,
Чего желать, я рад судьбе,
Так, значит, я кому-то нужен,
В российской, бойкой суете.

Хотя характер и скандальный,
Как утверждала вся родня,
Я сам в себе не злой, печальный,
Как отсвет гаснущего дня.

Иду по переулкам дальним,
По чёрной колее дорог,
Здесь, в городке провинциальном,
Лиричен я и одинок.

Кружу по улицам пустынным,
В давнишнем поиске мечты,
Жаль, что в плаще красивом, длинном
Меня не угадаешь ты.

Хозяйка Медной Горы

В непроглядную глушь
Залетало бессонное эхо,
Из расщелин седых
Рвался камня таинственный гул,
По подземным путям,
По невидимым призрачным вехам
Я вошёл в глубину
И глубины её разомкнул.

Там хозяйка горы
Проживала, не ведая грусти,
Среди яшмы своей, малахита
И меди, и руд,
Я спустился туда
И вдруг понял, она не отпустит,
И пропела она:
— Поживи, недоверчивый, тут.

— Что же будет потом?
И молодая хозяйка сказала:
— Ты свободен всегда,
Если хочешь, теперь уходи, —
Повела рукавом
И прошла сквозь сиянье и скалы,
Я тогда промолчал
Я не ведал, что там, впереди.

Пролетели года
В подземелье, лазурью червлёном,
Я назад повернул,
Я её разомкнул глубину
И пропала она,

Растворившись в камнях зелёных,
И с тех пор не звенит
Её голос уже никому.

Вечерняя зоря

Шелест листьев, дальний гром.
Ты сегодня мне приснилась,
Будто в мой вернулась дом...
Солнце в чащу закатилось.

Что же будет впереди?
Жаль, что ты меня не слышишь.
Спит дыхание в груди,
Ветерок бежит по крыше...

Я достану патефон
Осторожно с пыльной полки.
Ничего, что этот сон
Вдруг окончится недолгий.

Незаметно оживёт
В памяти, что прежде было,
Той пластиночки фокстрот
Ты поставить попросила.

В переключке птичьих стай
Новой осени призывы.
Там за краем новый край,
А ушедшие все живы.

Я сегодня не грущу,
Собирая ранний ужин,
Я тебя не отпускаю,
Хриловатый диск закружит.

Ты прошепчешь в тишине,
Удивлённая немного:
«Помнишь — сумрак в вышине
И пустынная дорога...

Ветра утреннего стон,
Перелески и озёра,
Огнеликий всадник — клён,
Опалённых листьев шорох.

Бесконечная тоска,
Бесконечное сиротство
И седины у виска,
И глубины первородства».

Теплоход

Земля уже растаяла вдали,
Фигурка хрупкая застыла у причала.
И тень легла от сумрачной скалы,
И водной пылью лица обдавало.

И резво плыл красавец-теплоход,
И палубу качало понемногу,
Гудел вокруг гуляющий народ,
К буфетной стойке проторив дорогу.

Шла в ресторане шумная гульба,
Отплясывала лихо разведёнка,
Во взгляде разнесчастная судьба,
На бёдрах разноцветная юбчонка.

Попраздную свободу для души,
Лишь только бы мне ребра не намяли...
А ранним утром вспомню, как в глуши,
Мы попрощались молча на причале.

И дико посмотрели на меня
Твои глаза татарского разлива,
Как будто лихо стеганул коня
Твой предок, покоривший четверть мира.

Придёт ли новый день
Из хаоса и мрака?
Родится ли заря
Из солнечной руды?
Преследует меня
Июня горький запах,
Перестоявших трав
И дождевой воды.

Преследует меня
Гудящих ливней сила,
Слепящий карнавал,
Что жёг сердца, губя,
И тень, и свет, и жизнь,
И ты меня любила,
И век прошёл, как миг,
И я забыл тебя.

Стихи про гвоздь

Сегодня день такой —
Я помолчу.
Сбываются старинные приметы.
Диск телефонный больше не кручу,
Не слушаю досужие советы.

От снятого портрета ржавый гвоздь
Я вырву из стены —
Ещё пойдёт на дело,
Чтоб никогда
Неосторожный гость
Не спрашивал:
А что же здесь висело?

Я был всегда, я есть, я не уйду,
Померкнет свет и возродится снова,
Как прежде, по подтаявшему льду,
Я возвращусь в молчание и слово.

В холодных искрах вспыхнувшей зари
Увижу я таинственное море,
Светящиеся странные огни,
Там счастья нет, а значит, нет и горя.

Дай руку мне, легчайшую из всех,
И обопрись, как будто перед взлётом,
Я отпущу тебя, как раньше близких, тех...
Ты улетишь и я забуду, кто ты.

Я расскажу тебе
Однажды по секрету,
Как ярок жёлтый цвет
Поспевшей в поле ржи,
Какая синева
Сквозит сквозь пальцы веток,
Как росы по утрам
Прозрачны и свежи.

Я расскажу тебе
Об утренней дороге
Песчаной, что ведёт
В грибной, брусничный край,
Где прячется медведь
И ёж коротконогий,
И юркий хор звенит
Проворных птичьих стай.

Там правит царь лесной,
Ему возносит славу
Бессонный соловей
И трубный гул ветров,
Он издревле хранит великую державу,
Затерянный свой мир,
Мир духов и цветов...

И мы уйдём с тобой
Туда бесповоротно,
Зелёные свои
Не отводи глаза,
Туда, где в миг один
Гудящие полотна
Разрезала резцом
Серебряным гроза.

Свет растворён в воде,
Вода в хрустальном свете,
Молчание в словах —
И в паузах огонь,
Есть в мире только ты,
Есть только блики эти,
И золотой рассвет,
И хрупкая ладонь.

Есть в мире только ты.
Всё прочее в тумане,
Выплёскивает ночь
Из бездны синеву,
Есть только я и ты,
И боль воспоминаний,
И странный диалог
Во сне и наяву.

В нём не хватает слов
И много хрупких пауз,
Восторженных рулад
И беспричинных слез,
В нём просто всё не так
И смысл хромает здравый,
И много чепухи наивной
И угроз.

Двоится явь сама,
Уставший от сомнений,
В потрёпанном плаще
Я в сумерках бреду,
Пьянея от любви
И грусти, и сирени,
Хватая луч звезды
Рукою на лету.

Зачем ты плачешь, —
Брось, пустое,
Нам счастье лёгкое дано.
Я праздник для тебя устрою —
Луч солнечный впущу в окно.

Зачем ты плачешь
Горько-горько,
Ночь покаянная темна,
О, дай терпения, но столько,
Чтоб утром не сойти с ума.

Было время — мы были безлики,
Как слепящая снежная пыль,
Как далёкие грустные клики,
Как дорога, река и пустырь.

Наши взгляды тонули в просторе,
Утешенье, увы, не пришло.
И какое-то тихое горе
Наши души навеки прожгло.

Шаги

Отгуляла позёмка на нашем дворе,
Завалились сугробы, осели,
Скоро, верно, и нам задыхаться в жаре,
Как в пампасах, где скачут газели.

Мне сегодня безумно до боли, до слёз,
Жаль зимы уходящей приметы,
Как больной безнадёжный, слабеет мороз—
Докторов бесполезны советы.

Я стою у подъезда среди детворы,
Раскрутившей помост карусели,
Дела нет им до снежной намокшей горы,
С той, с которой с тобой мы летели.

Да и мы им, как видно, совсем не нужны,
Соучастники странной эпохи,
Им букеты подснежников синих важны
И влюблённости первые вздохи.

Что сегодня отчётливо видится нам,
То для них, неуёмных, неважно...
Ну а я бы тебя угадал по шагам,
Если б ты вдруг вернулась однажды.

Сезон дождей

Сезон дождей, скитаемся без дела,
В туманной дымке тёмный горизонт,
Фигура на причале в платье белом
Промокла вся, не помогает зонт.

За столиком сидим мы под навесом,
В кафе, что и кафе не назовёшь...
Здесь каждый занят личным интересом,
На скатерти с зазубринами нож.

Прислушиваясь к музыке прибоя,
Певичка в лёгкий транс погружена.
Какому-то заезжему ковбою
Шлёт поцелуй восторженный она.

И чайки белые идут по гальке мокрой,
И голуби хватают хлеб с руки.
И тычет в ногу влажной тёплой мордой
Бродячий пёс, хохочут остряки...

На поезд скорый куплены билеты
И расставанья нам не избежать,
Вино в бутылке, в вазочке конфеты,
И поздно нам в романтику играть.

В иных краях, где ты живёшь и дышишь
Иной судьбой и воздухом иным,
Иное всё: и улицы, и крыши,
И звёзды, и рассвета ржавый дым...

Весёлый смех доносится всё реже,
И всё печальней смотришь в море ты...
Закатный отсвет, сумерки разнежив,
Меняет лиц знакомые черты.

Баппада о времени

Как тихо в городке,
Как вечер летний ярок,
Мы снова пьём вино —
Ушедших вёсен бред.
Я помню, помню всё:
Был день беспечен, жарок
И плавал сизый дым
От наших сигарет.

И гулкий звон стоял
Над травяным покоем,
И костерок дымил,
От комаров храня.
И если падал я,
То небо голубое
Мгновенно мчалось вниз
Из бездны на меня.

И грустно пела нам
Гармошка с бубенцами,
Таких уже теперь
Нарочно не найдёшь.
И в кухонном шкафу,
Где банка с леденцами,
Хранился снимок твой
И перочинный нож.

С затейливой резьбой —
Родителей подарок,
Но сколько унеслось
С тех пор безумных лет?..

Как тихо в городке,
Как вечер летний ярок
И тот знакомый дым
от горьких сигарет.

Бранилась мать моя:
«Опять пиджак испачкал
И в драке дворовой,
Поранена губа...».
Ох! Выше всех домов
В посёлке водокачка,
Холодная, как лёд,
Гудящая труба.

Чумазый паровоз
Свистел и ухал часто,
Он даже по ночам
Не оставался нем,
А осенью, когда
Горели ярко астры,
Мы пили чай,
На хлеб намазывая джем.

Мне кажется порой,
Что время не уходит,
А где-то там в углу
Живёт и не тужит,
Составлено, как мир,
Из сказок и мелодий,
И, может быть, зимой
От холода дрожит.

И струнами звенит
Расстроенной гитары.
И плачет, и поёт...
И хочется понять,
Куда уходит мир,
И новый год, и старый...
И чудится во тьме:
Молитву шепчет мать.

Это жёлтое пламя ветвей,
Лист рябины, чеканный и строгий,
И щемящая память о ней —
Возвратиться и броситься в ноги?..

Пусть поплачет она надо мной,
Пусть она горьких слов не жалеет,
Даже если пройду стороной
Мимо дома, душа холодеет.

И так тонко звенит тишина,
И так жёстко дыхание стужи,
Потому что уже не жена,
Та, которой я раньше был нужен.

Синий мяч и взлетающий змей,
И прозрачная ветка сирени,
Задержи то мгновенье — сумей
Тонким неводом вздрогнувшей тени.

И прольётся простор голубой
В глубину затихающей рощи,
Запах прели и отблеск любой
В струях огненных осень полощет.

В этих зарослях ивовых пут,
Звона дней и обманчивой лени,
До сих пор нас с тобой стерегут
Грустных лет угловатые тени.

Дай мне знак вверх вздетой рукой,
И исчезнет минута бесследно,
Как судьба, как пейзаж золотой,
Как заката румянец победный.

В моём тихом жилище
Лишь пищат комары,
Ветер в сумерках свищет
До рассветной поры.

Попросила соседка
Ей забор починить,
Бьётся жёлтая ветка.
Как же дальше мне жить?

Развязалась вязанка
Грустью пахнущих снов,
Разгорелась голландка:
Треск берёзовых слов.

Тишина в переулке,
А в истоке души,
Голос вечности гулкий,
Хоть икону пиши.

Пёс понурый Ерёма
Грозно цепью гремит,
В ожиданьи парома
Дачный люд гомонит.

Так и пели, от грусти немея,
Так и жили, друг другу грозя,
О родном и далёком жалея,
Рассказать о котором нельзя.

Потому что, лишь сердце коснётся
Прошлых дней, позабытых уже,
Вдруг горючей слезой обернётся
То, что дорого было душе.

И не видно за этой слезою,
И не слышно за грустью такой,
Кто поёт над вечерней рекою,
Что лепечет в ночи сухостой.

Выспрашиваю у соседа,
Что знает рыбные места,
Скажи, река какого цвета
И в чём природы красота?

А он закурит сигарету,
По рюмке маленькой нальёт
И скажет:
— Не ищи секрета, —
И про рябину запоёт.

И замолчит, внимая звуку,
И станет зябко на душе.
Скажи мне:
— Про какую муку
Рыдает ветер в камыше?

Когда угаснут и слова, и тени,
И звуки дня,
Я гул ловлю далёких потрясений,
Он мучает меня.

Я напрягаю до предела зрение,
И в гулкой тишине
Я вижу свет библейского творения
И знаки на стене.

Дрожат огней причудливых извивы,
Светлеет тьма.
Коней волнуются серебряные гривы —
Тут гжель и хохлома.

Бог весть, что чудится
мне среди древних срубов,
Янтарных смол.
И осень, смяв одежды лета грубо,
Обходит дол.

Я чувствую нездешнее волнение
И тайну дня.
Ах, да, ещё печаль стихотворения,
В котором нет меня.

Моё кресло

Я пил закат, как звери пили воду,
Залётной птице был беспечно рад.
Но никогда властителям в угоду
Не сочинял торжественных баллад.

Смеялся я и без причины плакал,
Искал звезду, упавшую за стог,
Траве лесной и полевому злаку
Я верным стать хозяином не смог.

Но видел я в разломе тёмном неба
Зари багряной розовый цветок...
И понимал — я тайны вечной слепок
И плоть, и дух, и вольности глоток.

Весь мир ослеп. Не верь своим глазам —
Бессильна злоба, подлость и коварство,
Верь сердцу и непрошеным слезам,
Они врачуют памяти пространство.

Сквозь их туман увидишь ты ясней
В прозрачном свете акварель рябины,
И даже самый злостный из людей
За доброго сойдёт наполовину.

Охотничье братство

Неожиданный выстрел жесток,
Страсть погони сливается с бредом,
Нажимая взведённый курок,
Они счёт открывают победам.

И читают судьбу по следам,
И легко попадают в десятку,
Никогда не прощают врагам,
Завершая смертельную схватку.

Жмётся к логову раненый зверь,
Как сберечь ему дикую душу?
Он похож на ребёнка — поверь!
И, спасая его, я не струшу.

Будто сам я в знобющем бреду,
Ужасаясь кровавому следу,
Зубы сжав, по распадку бреду,
Нарываясь на выстрел дуэлетом...

Чувство страха ознобу сродни
И, жалея убитого зверя,
Я в глазах его вижу огни,
В поднебесье уходят они,
И в охотничье братство не верю!

Вкусили плача и ушли,
Прослышав звёздные хоралы,
А утром розы расцвели,
Обрызгав небо ярко-алым.

Вонзились с визгом гвозди в гроб,
Каменья глины застучали,
И, зародив в душе озноб,
Глухие речи зазвучали.

На тёмной стороне луны
Мне солнце опалило спину.
И шорох ветра, звон струны
Зарыли в розовую глину.

Ничего, только звуки и ветер,
И протяжная песня во тьме.
Мы всего лишь уснувшие дети,
И смеемся, и плачем во сне.

От житейского тяжкого груза
Мы свободны бываем... в тот час —
И молчит, и печалится муза,
И глядит с состраданием на нас.

Стукну в ставню — в ответ только эхо,
Под ногою не скрипнет крыльцо.
Лишь соломенной крыши прореха—
И калитки подгнившей кольцо.

Я смотрю через щёлку ограды —
На куканчике связка ершей,
Никуда торопиться не надо
И улыбка до самых ушей.

Яркий всполох июньского света —
Заслоняюсь от солнца рукой...
А вокруг комариное лето
Да высокого неба покой.

А в бездонных глубинах колодца
Синий лёд — зимней стужи броня.
Если крикнуть, а вдруг отзовется
Та, что раньше любила меня?

Весть

Лёгкий, как дым, и рябой
Гость помутневшего неба,
Снег, ты с рожденья немой,
Дай мне насущного хлеба.

Манны заоблачной дай,
Тихо поплачь без причины,
Вот он, библейский Синай,
Горбит усталую спину.

Вести заоблачных дней
Он принесёт мне оттуда,
Ляжет туманом огней
Марево белого чуда.

Вспыхнет закат на снегу —
Вечер придёт осторожно,
В этом слепящем бреду
Робкому сердцу тревожно.

Ждали мы тысячу лет
Это печальное чудо.
Это тебе мой привет —
Это привет мой... оттуда.

Я говорил, ты слушала устало.
В прищуре век
Увидел я — звезда с небес упала:
Родился человек.

Зима дорогу выбелила мелом,
Дней убыстряя бег,
Остыла степь и небо побледнело —
И умер человек.

Цапля

Ни утраты моей,
Ни печали моей, ни потери.
Тихий свет родника
И полыни горчайший озноб,
Помню я изумрудное озеро
В сонной Индери,
Там где цапля болотная,
Стоя в воде, набивает свой зоб.

Там тревожно шумит
По низинному краю осока,
Разнотравья ковёр
Обжигает холодной росой...
На высоком плетне
Восседаёт болтушка сорока
И дрожат небеса,
Как шатры голубые, весной.

Я уеду туда,
В древний край первозданной природы,
И войду, постучав,
В обветшалый заветный наш дом.
И спрошу: «Как дела?».
Мне ответят с сомнением: «Кто ты?»
Мы не знаем тебя,
Нам твой голос глухой незнаком».

Родники, родники!
Ваша сила ещё не иссякла
В заповедном краю,
В заповедном лесу и в душе.
Там, в Индери моей,
Смотрит в небо болотная цапля.
И туманится даль,
И таится сентябрь в камыше.

Угрюмых недр непостижим характер —
Разломов и болотистых низин.
Прислушайтесь, на грудь земную лягте,
Услышите гул расплавленных глубин.

Там, в чреве каменном,
 в размытом полумраке
Мерцает свет, рокочит голоса,
Кристалловидные, сверкая, зреют злаки
И в травах мраморных гудит железная оса.

Облетела по скверам листва.
Золотого и красного цвета.
И берёзы плывёт береста —
Нашей юности белая мета.

Эту речку я вброд перейду,
Звонкий смех на печаль поменяю,
Позовёшь — я уже не приду,
А вернёшься назад — не узнаю.

Возвращение

Полыни горький аромат,
Гудящий шмель — я снова еду
В ту деревеньку в гости к деду —
Где сосны жёлтые гудят.

Фуражку помню со звездой —
Корзинку для лесной клубники,
Но чаще гроздь земляники
Он в ней нам приносил домой.

Военного сукна покрой,
Фуфайка, нож за голенищем...
А на заброшенном кладбище
Всё отрезвляющий покой.

Черёмуха стоит в цвету —
Среди могил и бурелома,
Я молча подойду к кресту
И вдруг пойму: вот я и дома.

Утянка

К гулкому подстраиваясь шагу,
Поутру росистой тропой
Под уздцы каурюю конягу
Я к реке водил на водопой.

Дотемна играли мы в орлянку
И росла рябина у окна...
В том селе с названием Утянка
Улица всего была одна.

Золотой рассвет над нею реял...
И звенел на ветке соловей —
Почему теперь тоскою веет
От забитых досками дверей?

Почему же, улица родная,
Продают дома твои на слом?..
Молодость, как песня заводная,
Что ж ты с нами сделала потом?

Иду по улице, кривая тень луны
Легла на сердце строчкой эпилога,
Наверно, так медведи-шатуны
Бредут за счастьем, позабыв берлогу.

Они идут на шум больших дорог,
Они идут, куда не знают сами,
Как будто бы, предвидя эпилог,
Они желают повстречаться с нами.

Трону чуткую тень и уйду навсегда
В залитое ромашками поле,
Где в овраге, как кошка, мурлычет вода.
И летают стрекозы на воле.

Я оставлю всех тех,
 кто в любви мне клялись
И предать до конца не успели,
Мрачный сумрак земли и хрустальная высь
Породниться навек не сумели.

Посидим, помолчим у дороги земной,
От последней прикурим мы спички,
Как я часто бывал всем раздорам виной,
На ночной уезжал электричке.

Брызнет розовый свет над осколком зари,
Вспыхнут ягод душистые гроздья,
Как кричали нам с синих небес журавли,
Как шумели на поле колосья.

Ничего я не нашёл, лишь в сердце скопил —
Горстку слёз да печальное слово,
Из себя человека «крутого» лепил —
Толку не было в том никакого.

Лебеда и полынь.
Звонким эхом встречает опушка,
Комариная глушь
Да слепни окружили коня,
Захолустье моё,
Заунывно кукует кукушка,
В окнах сгорбленных изб —
Полустёртые блики огня.

Виснет серый туман
По глухим и ухабистым весям.
Через речку мосток,
Одичал мой берёзовый край.
Так внутри защежит —
На колодце зелёная плесень,
На задворках стоит
От дождей почерневший сарай.

В полинялом платке
Ковыляет старушка с клюкою,
Глохнет мёртвая тишь,
Ничего не случается здесь.
«Здравствуй, мать». «Да ты кто?» —
Заслонила от солнца рукою. —
«Не признаю никак,
Не из наших ты, видимо, мест».

Покачив головой,
За калиткой скрипучею скрылась,
Засветила огонь,
Просветлело в заветном краю,
Положила поклон
И Цареве-Христу помолилась,
За властей, за сынов
И за тихую землю мою.

Пахнуло дымом, сыростью и тленом,
Обволокло гудящей тишиной,
Некошеные травы по колено
И воздух неподвижный, неживой.

Заросшую найду могилу деда
И повинюсь, задумавшись о том:
К ограде тихой не отыщешь следа
И только осы вьются над крестом.

Дубовый крест на удивленье крепкий,
От ворага он защитит погост.
...Я помню день, когда он в старой кепке
Мне землянику из лесу принёс.

И бор шумел разлапистый, смолистый,
И земляника таяла во рту...
Он уходил походкой лёгкой, быстрой,
Рубашка развевалась на ветру.

Там, во дворе, минуты детства для,
Витает запах жареной картошки,
Шальное лето крутит кренделя
И вскачь бежит по солнечной дорожке.

Сосед поддатый веселит народ,
Звенит его гармошка с бубенцами.
И день, как вечность, за окном плывёт,
А на столе тарелочка с блинами.

И кто-то добрый светит в вышине
Огромной лампой, что зовётся солнцем.
И вот тогда я счастлив был вполне,
Прищуром глаз похожий на японца.

Гора щепы берёзовой, чурбак,
Здесь дед рубил пеструхам ловко шеи.
А дальше — сад, стремянка на чердак,
Колодец сгорбленный и ельничек левее.

Замёрзших дров поленница крута,
Потянешь снизу — рухнет всё обвалом,
На коврике лежанка для кота,
Кровать железная покрыта покрывалом.

Свернуло солнце в зимний палисад,
Где умывальник медный на коряге,
День побледнел, снега огнём горят,
А в комнатах поскрипывают лаги.

Но ничего не происходит здесь —
Часы настенные идут себе по кругу.
И даже незначительную весть,
Как нечто важное, передают друг другу.

В вечерний час, коровий слыша рёв,
С ведром уходит бабушка из дома,
Скрипит крыльцо. Глухой гремит засов.
Смежает веки сладостная дрёма,

И снится мне далёкая страна,
И грозный мир, и всполохи сирени,
И меркнет свет, и яркая луна
По комнате передвигает тени.

Белая сирень

Белым цветом сирень расцвела,
Указав наступление лета.
И душа, оробев, уплыла
В бирюзовые всполохи света.

Что за странная тяга к цветам,
Опрокинутым в синее небо?
Никому никогда не отдам
Это таинство летнего снега.

Вспыхнет зарево тихих светил,
Лунный свет опояшет дорогу,
Словно дерево древних могил,
Что роднит человека и Бога.

Но припомнить никто не спешит
То родство, опьянев от сирени.
И листва в изумленьи дрожит
От древесной пророческой тени.

Я заскучал по сельскому жилищу,
По ласточкам и жёлтому жнивью,
Где комаров и прочих мошек тыщи
И помидоры зреют на корню.

Пойду в луга, где травы и дремота,
И грозовые бродят облака,
И встречу у заросшего болота
Блаженного, а проще — дурака.

В пригоршню он насыплет мне махорки
И улыбнётся светлостью своей,
Приляжет, примостившись на пригорке,
Среди простора вольного полей.

Он не боится ни мошки, ни грома,
И что ему земного дня лимит?..
Не брит, не мыт — смотался из дурдома
И, знай себе, махорочкой дымит.

Не скажет слова праздного он всеу,
Пока он жив — и родина жива.
Пусть даже власть холопья торжествует
И всё кругом разграблено дотла.

Журавлиный плёс

Журавлиный плёс
В серебре огней,
От весенних гроз
Небеса синей.

Журавлиный стон
Над простором рек,
Как бредовый сон,
Навалился век.

Упадёт звезда
В тишину полей,
Пробежит слеза
По щеке моей.

И прозреет век,
Что омыт слезой,
Я сквозь талый снег
Просочусь водой.

В родниковом краю

Жёлтый, солнечный шмель
Загудит за медовым оврагом,
И раскинется тишь,
Вековую истому храня.
Заверну в глухомань
И по кочкам пойду, и корягам,
И прилягу в траву
На излёте июльского дня.

И меня разморит...
И ветра по просёлку запляшут,
Запоёт чернотал
И на сердце рассеется мгла.
«Возвращайся назад, будь здоров», —
Люди добрые скажут,
О своём помолчат
И возьмутся опять за дела.

Жил ли я на земле? —
Это знает сухая крапива
И бескрайняя даль,
Просветлившая душу мою,
И тропинка в полях,
Где я мчал на коне черногривом,
И гудящий тот шмель
В родниковом, далёком краю.

Смыв соль югов, на дачу брошу кости,
Пугну ворон, в кармане ни гроша,
И, если кто ко мне приходит в гости, —
Облезлый кот — бездомная душа.

Теряют лист озябшие берёзы
И в бледном небе плавает луна,
И печь дымит, и дымом гонит слёзы,
И никого, и в доме тишина.

Я видел сон — трагический, тревожный
Его писала странная рука...
И предсказания, стало быть, возможны
Из бездны неземной, издалека.

Из всех потерь страшнейшая потеря —
Лоб восковой, щека суха, мертва...
Нельзя понять и этому поверить!
Колышется могильная трава.

Был серый день. Стучался ветер в раму,
Отчаянье мешая и вину,
В последний путь мы провожали маму —
В безмолвную, утрюмую страну.

Вставлю ногу в тяжёлое стремя...
Отчуждением вечным грозя,
Рвёт поводья бессонное время,
Отрезвляет земная стезя.

Рассекаются души разлукой,
А морщинами — лица друзей,
Расставание — тоже наука,
Остальных ни грустней, ни мудрей.

Поживу я в городе,
Поживу я в поле,
Поживу у бездны
Синей на краю,
Поживу я в радости,
Поживу я в горе.
Счастье незаконное —
Что же я крою?

Не пошьёшь из счастья
Этого одежду.
Разорвётся в клочья,
Нить его груба.
Нищему всё нужно —
Паче же надежда.
Видно, так уж скроена
И моя судьба.

Буду думку думать,
Буду плакать ночью,
На подушке-думке
Голова в огне,
Поживу до срока.
Светлую сорочку
Из ромашек белых
Степь подарит мне.

Деревья и воздушны, и легки.
Зелёный сумрак вьётся над ветвями,
Висит туман над зеркалом реки
И грозовые тучи над полями.

И тишину пронзает птичий крик,
И на душе таинственно, тревожно,
На небо глянешь — видишь чей-то лик
И босиком ступаешь осторожно.

И облачная движется гора,
И шепчет век мне слово об утрате,
И дождь шумит над крышею с утра,
Как друг разговарившийся некстати.

Воздушные акварели

На дальних снежных полянах,
Укутанных в иней хрупкий,
Светящийся изнутри,
Стоят суровые ели —
Погонщики караванов
Горбатых больших сугробов —
Белых верблюдов зимы.

В тугих тюрбанах из снега
И длиннополых халатах
Скользят угловатые тени
Призрачных седоков.
И слушает караванщик
Звуки хрустальной флейты,
В которую дует вьюга,
Которую слушаем мы.

Захочется мне однажды,
Взяв котелок и ложку,
Надев полшубок старый,
В дальний пуститься путь.
В путь с караваном белым
Горбатых больших сугробов,
Несущим дары святые
Родившемуся Христу.

Затихнут напевы вьюги,
Замолкнет серебряный бубен,
Окончится что-то в мире таинственное
И в душе...
Скажи, отчего же сердце
Край звонких метелей любит,
Стоящих заставой белой
У вечности настороже.

И детство кончилось,
И, беспрерывно плача,
Звенела целый день за окнами капель,
И ветер пел по-новому, иначе,
И синим дымом полыхал апрель.

И сотнями серебряных зеркал
Сверкал сугроб слоисто-ноздреватый,
И детство кончилось, и я вперёд шагал
Сквозь снег мелькающий,
Подтаявший, крупчатый.

Казалось мне, не будет и конца
Дорогам юности, что выюгами дымились.
Покровы целомудрия с лица,
Упав на землю, как шелка, струились.

Мороз пощипывает пальцы,
Земля в снегу, как в облаках.
И вышивает вновь на пальцах
Зима узоры на снегах.

Волшебное сплошное кружево
Из света, холода и льда,
И горло, кажется, простужено...
И в белой дымке провода.

И, серебрясь, снежинки падают,
И время замедляет бег.
Прищурь глаза — и вспыхнет радуга
Цветною искрою у век.

Стриж

Пройду заслон хрустящего валежника,
Прилягу на зелёную траву.
В краю, где собирали мы подснежники,
Душистой земляники я нарву.

И разомлею на поляне, где ещё
Мне будет так спокойно и легко,
И стриж промчится на полёте бреющем,
И треснет гром, как ветка, далеко.

Рыжие кони

Красных ягод горчайшая кисть,
Словно угли, упала в ладони.
Не деревья, а рыжие кони,
А над ними — холодная высь.
Красных ягод горчайшая кисть.

Эта осень, как будто испуг,
Словно к пламени близко ладони.
Обожжёт ощущение погони
И остудит нашествие вьюг.
Эта осень, как будто испуг.

Я, притихший, стою перед ней.
Перед этой рябиной горящей,
Горечь ягод мне кажется слаще
Мёда губ, поцелуя нежней.
Я, притихший, стою перед ней.

Наши слёзы — пустые дела,
Наши радости — радости наши...
Жёлтый клён бьёт копытом и машет
Красной гривой, грызёт удила.
Наши слёзы — пустые дела.

Веточка сухая

Л. Бессоновой

Прозрачный сад над тёмною водою,
Рыбак лозиной выписал дугу
И купола оправой золотою
Сияют на вечернем берегу.

И, кажется, что жизнь не начиналась,
И чувства к пережитому глухи.
Всё склеилось, что раньше поломалось.
О, Боже мой, прости мои грехи.

И шумный ветер, кроны отрясая
От старых листьев, плачет до утра.
И тоненькая веточка сухая
Горит лишь миг на угольках костра.

Осень

Вот и мне уж скоро стукнет
тридцать,
или сорок, или шестьдесят...
Жизнь свою, растратив по крупицам,
По низинам я ищу опять.

Не спешу — ведь времени навалом,
Потревожу рыжую лису.
В сапогах ступаю по завалам,
Весело аукают в лесу.

Закурю — дымок от «Беломора»,
Паутинки тонкие висят.
...Вечность пролетит за разговором,
Что там сорок или шестьдесят!..

Гость

Замолчу, затихну, затоскую.
Знаю, невесёлый будет срок,
Набросает хвою золотую
Ветер на кладбищенский песок.

И замрёт, а серенькая птица
Станет петь и душу бередить.
Осень, одинокая сестрица,
Примется на листьях ворожить.

А зимой примчится заяц белый,
Затаится, сядет у куста.
Угостить бы гостя — что за дело,
Да моя котомочка пуста.

Душа

Душа моя — галчонок,
Её не обмани,
Озябла до печёнок,
Но мужество хранит.

Желает и трепещет,
Без хитрости живёт,
То сон увидит вещей,
То песню запоёт.

Её врачуют вёсны
Дыханием светил.
Я не бросаю вёсла,
Не опускаю крыл.

Я не бросаю вёсла,
Не опускаю крыл...
А прошлое я просто
Однажды позабыл.

На чердаке воркуют сизари.
И ветра шум мятежный и печальный.
И бьётся в жилах огненной зари
Рябины кровь тоской исповедальной.

И притаилась вечность у окна,
И Млечный Путь вздымается всё выше,
И кажется — огромная луна
Вот-вот провалит низенькие крыши.

Ночной костёр

Луна ушла, зари погасли блики.
Качает ночь немую темноту.
Костёр потух, дрожат на углях лики
И искры яркие сгорают на лету.

Их быстрый вихрь разносит по округе,
Раскручивая жёлтую спираль,
И сердце бьётся робкое в испуге,
Мерцает в небе огненная даль.

И мчатся тени призрачные в пляске,
И звёздная колышется гора,
И кто-то странный в карнавальной маске
На угольях танцует до утра.

Запах вдыхаю особый, лесной,
Слушаю звонкие посвисты ветра,
Вспыхнул подснежник под старой сосной,
Сделанный будто их тонкого фетра.

Хвою под ноги апрель расстелил,
Травы лежат половицею ржавой.
Скоро сюда прилетят журавли,
В светло-озёрную эту державу.

Выметен ветром утрюмый пустырь,
Звонниц небесных чисты перезвоны,
В озере тенью дрожит монастырь
И исчезает в глубинах зелёных.

Не зови, что ушло, на минувшее время не сетуй,
За окошком звенит белой вьюги льняное шитьё.
Выйду в полночь тайком и пройду по метельному
следу,
И забуду навек невесёлое наше житьё.

Ни о чём не проси, повинись, на груди замирая,
Берега потеряв, в безначальи моём заблудись.
На свирели своей звуки солнечной грусти играя,
На мгновенье одно меж высоких дымов объявись.

Что ты шепчешь во тьму и о ком твоя тихая мука,
 Что ты ищешь в судьбе, что ты хочешь сказать
 на бегу?
 Вот и век пролетел, и под утро закончилась вьюга,
 И деревья стоят все белы, по колено в снегу.

Скрипка

Витают в зале звуки гамм,
Живут в аквариуме рыбки.
А в уголке, где прочий хлам,
Футляр для самой нежной скрипки.

В хрустальной вазе для цветов —
Три нераскрывшиеся розы.
Я плащ свой без излишних слов
Повешу в маленькой прихожей,

И вновь уюта захочу.
О, как грустны дождя пассажи.
Неловко к твоему плечу
Прильну и не замечу даже.

О! Как душа цветов чиста,
О! Как мила твоя улыбка,
Начать бы с чистого листа...
Но как же этот дом и скрипка?

И дождь в серебряном окне,
И платье лёгкого покроя,
И скатерть в розовом вине,
И откровенье роковое?

Соберу пожитки я свои,
С утраца махну на удалую
В те места, где свищут соловьи,
И подсолнух радугу целует,

Где мурлычет хитромудрый зверь,
Тарахтит рыбацкая моторка,
Я открою низенькую дверь,
Отодвину тюлевую шторку.

Взгляда удивлённого не прячь,
Чиркну я надломленную спичкой,
Не молчи, не сетуй и не плачь —
Я не вор с коварною отмычкой.

Я в плену у грустных передраг,
Мне б коня, полцарства да карету.
Шепчешь ты: «Какой же ты чудака,
Что впотьмах не зажигаешь света».

Речной вокзал

Тень легла на песок,
Луч растаял на дне,
Закружился вальсок
На бегущей волне.

На причале ночном
Задремал теплоход,
В ресторане речном
Тает сколотый лёд.

Бармен хмурый, как сын,
Но к застолью готов,
Произносит он спич
Из восторженных слов.

Канет лето, как сон,
В суету, ну и пусть,
Я, как прежде, влюблён
В тополиную грусть.

Свет качает река,
В слове ветреном суть...
Ты, как прежде, легка —
Закружи и забудь!

Отгорела звезда,
Что плыла надо мной,
Отзвенела узда
Над речною волной.

В тихом ржаньи коней,
В сонном плеске реки
Горечь прожитых дней,
Взмах уставшей руки.

На пустыре наискосок,
Где ребятишки мяч гоняют.
Рассыпан юности песок
И ветер вольности гуляет.

Казалось бы, чего терять?
Шагни на перекрёсток лета,
Вдохни медовый дух опять.
Он здесь витает до рассвета.

И, может быть, поймёшь тогда,
Что всё в душе хранится свято:
И та далёкая звезда,
И юность, пахнущая мятой.

Возвратите мне юность мою,
Я её по слогам прочитаю,
И забытую песню спою —
Всё, что было, назад отмотаю.

Не скупитесь — за праведный дар
Ветерок вам сыграет на флейте,
Если пьёте вино «Солнцедар»,
Мне на донышко тоже налейте.

Призадумаясь я, закурю,
Долго шёл я сквозь непогодь злую.
И плесните ещё сентябрю,
Я, как друга, его расцелую,

И забуду я тёмную высь,
И прощанье на дымном вокзале,
И такую нескладную жизнь,
По которой мы вместе шагали.

Память больную измучаю,
Шляпу надвину на нос,
Шагаю, похожий на чучело,
Ответ ищу на вопрос:

Чем я отличен от прочих
Прохожих, спешащих во тьму.
Помню я пару пророчеств,
Коих смысл не пойму.

Помню безумье скандалов,
Сумрак угасших лет,
И радостное начало,
В котором мученья нет.

У вокзала

Отчего мне хочется укрыться
В тишине разбуженного бора?
Долго слушать звонкую синицу,
Верить всякой глупости и вздору.

Отчего мне хочется уехать
В край грибной — и там гулять без цели,
Слушать переливчатое эхо,
Прикасаясь к колкой хвое ели.

Ветер пролетит пугливой тенью,
Пробежит зайчонок по опушке...
Отчего мне хочется в волнении
Слушать голос странницы-кукушки.

Может быть, душа моя устала
Ожидать письма или привета?
Я всю ночь скитаюсь у вокзала,
Поезда встречаю до рассвета.

А потом усну в холодном сквере.
Осень, как лиса, придёт по следу,
Но тебе я больше не поверю,
Но к тебе я больше не приеду.

Кулунда

Будет день, я однажды уйду
В серый сумрак из нашего дома
И уеду один в Кулунду,
Ты не знаешь селенья такого.

На перроне там дремлют часы
И несёт свою службу путеец,
Паровоз раздувает усы
С важным видом, как бравый гвардеец.

В магазине, что звался «Петлёр»,
Продаётся любое варенье.
С одноногим соседом Ильёй
Я сыграю в лото в воскресенье.

Затеряюсь в толпе чудаков
Средь вокзального шума и гама,
Среди дачниц, детей, стариков,
Средь баулов, тюков, чемоданов.

И неважно, что поезда нет,
Ведь туда поезда и не ходят,
И неважно, что я уже сед,
И короткая жизнь на исходе.

Воздушных ситцев лёгкие наряды
Хранят родных просторов красоту,
Стыдливо притаившись за оградой,
Черёмуха купается в цвету.

Горит закат, как остриё кинжала,
Пронзает небо огненная сталь.
Я, может быть, и начал всё сначала
В ином краю — да прожитого жаль.

Здесь средь берёз молитвенного шума,
Когда восходит яркая звезда,
Дрожит на дне колодезя утрюмом
Ключей подземных чистая вода.

Темнеет купол церкви на пригорке,
Из чёрной бездны льётся тихий свет,
И дрогнет, может быть,
 в окне знакомом шторка,
И радостней мгновенья в мире нет.

Что для Вселенной пять часов
Иль двадцать крохотных столетий.
Там у созвездия Весов
Я Деву ветреную встретил.

Шутил, был гениально прост,
И так необъяснимо весел.
Созвездье Рыбы взял за хвост,
Помедлив, на ладони взвесил.

И понял, истина одна:
Отдать последнее бродяге
И видеть, как идёт весна,
И прячет серый снег в овраги.

Золотая карета

На излёте весёлого лета,
Когда даль с каждым часом бледней,
Золотая промчалась карета
В гуще тёмно-зелёных ветвей

И наряд промелькнул бирюзовый,
Взгляд пронзил меня, ночи темней...
Я следил без единого слова
За горячей четвёркой коней.

Злой возница гнал, коршуном сидя,
И карета, как в бездну, неслась.
Я увидел её, я увидел
Ту, что в верности раньше клялась.

Лишь платок зацепился за ветки —
И остался, бледнея, висеть,
Тёплым дождиком, светлым и редким,
Принакрыло пустынную степь.

Соберу я на дорогу вещи —
Край забытый в гости позовёт,
Где волной зелёной речка плещет,
Птица беззаботная поёт.

Где плывёт туман над косогором
И звенит серебряный ручей,
И стоят, как белые соборы,
Облака за пологом ночей.

Где под вьюги радостное пенье,
Снились мне далёкие края,
Где горели звонкие поленья,
А сгорела молодость моя.

Стихнет ветер у плетня,
Вспомню снова:
Запрягаю я коня
Вороного.

Полыханье бузины,
Гаснут листья.
Рву, не чувствуя вины,
Ягод кисти.

Всё исчезло, что цвело —
Так бывает...
Небо — чистое стекло —
Степь без края.

Листьев трогает кайму
Месяц рогом,
На село своё взгляну
И в дорогу...

Притих смиренный день
В преддверье листопада,
Ещё чуть-чуть и вдруг
Закружится листва.
И тонкая, как нить,
Рассеяна прохлада,
И неба цвет иной,
Мерцающий едва.

Разлуки холодок
Остудит наши чувства,
И сердце отболит,
Забыв осенний бред...
Я ухожу бродить
Средь мёртвых листьев хруста,
И звонкий листопад
Мой замечает след.

Закружится листва —
Мне грустно до озноба.
Зачем тоскую я
Осеннею порой?
Зачем же плачешь ты?
Зачем мы были оба
Увлечены в наш век
Трагической игрой?

Лёгкий вздох, прикосновение
И дрожание теней,
Напряжённость и томление,
Взлёт трепещущих бровей.

Слов невнятное шептание,
Локон светлый, золотой,
Мимолётное свидание
У ограды у витой.

Утра свежее дыхание,
Ежевика чёрный цвет,
Радужных небес сияние,
На песке сыпучем след.

Белой чайки круг почёта,
Моря грозовая даль,
Хриплый окрик теплохода
И печаль, печаль, печаль...

Отгорела сонная листва,
Желтизной упала на дорогу,
Скованы молчанием уста,
Сумерки густеют понемногу.

Кутаясь в холодный шёлк плаща,
Зябнущие руки растираю,
Светлые просторы полоща,
Дождь пейзажи летние стирает.

Не кричу, не плачу, не шепчу,
Тишина, в тумане гаснут звуки.
Кажется, что если захочу,
То взлечу, раскинув в небе руки.

Звёзды юга, скользящие вниз.
На причале фигура в берете.
И от водных сверкающих брызг
Предстаёт всё в мерцающем свете.

Бьётся в чёрные камни волна —
Сокровенные звуки печальны,
А глубины до самого дна
Неподвижны и монументальны.

Брызги моря, летящие ввысь,
Так мгновенны, легки и капризны,
А на камнях зелёная слизь,
Что мы знаем о смерти и жизни?

И сверкает, бесшумно скользя,
Свет ночной, по застывшим пейзажам...
И, что выразить словом нельзя,
Беспощадные волны доскажут.

За рекой обмелевшей

По карнизу царапает птица
Коготками — попробуй, усни...
А засну — дом бревенчатый снится,
Горьким дымом пропахшие дни.

Умывальник прибит у порога,
Покосился дощатый забор,
И корова обломанным рогом
Открывает калитку во двор.

Штырь антенный висит над трубою
И лампада в переднем углу,
Дед Анисим здоровой рукою
Кочергой разгребает золу.

А другая войной перебита,
Жарким пламенем печка гудит,
Баба Фрося ухватом сердито,
Чугунками своими гремит.

Воздух вольный по дому струится,
За рекой обмелевшей огни...
По карнизу царапает птица
Коготками. Попробуй, усни.

Я жил во тьме холодного барака
И дождь его бока, как пёс, лизал.
Там, что ни день, то ругань или драка,
Там, что ни ночь, то мировой скандал.

Но иногда случалось перемирие,
Благую перемену видел я,
Дух единения витал в любой квартире,
К столу сдвигалась длинная скамья...

Соседка накрывала славный ужин,
К столу звала она детишек всех,
И муж её, что был в войну контужен,
Гармошки фронтовой тянул зелёный мех.

И голос пел из гибельного мрака,
И ветерок залётный подпевал.
Я жил во тьме холодного барака
И дождь его бока, как пёс, лизал.

Автобус

О.Н. Шестинскому

В третий раз по привычному кругу
За окошком всё тот же пейзаж,
Наблюдаю слепящую вьюгу,
Белых вихрей туманный мираж.

И со мной неизвестно куда-то,
Обивая о поручень лёд,
Едут два подгулявших солдата
И толкается прочий народ.

На душе окаянная сырость,
Возвращаться домой мне пора,
Жаль, что чуда опять не случилось,
То, что мне обещали с утра.

Опали листья грудой медяков,
Намокшие кусты обледенели —
Весь мир в плену сверкающих оков,
Во власти разыгравшейся метели.

Не торопясь, сквозит туманный день,
Сверкает изморозь на маленьком окошке,
И, голодом преодолая лень,
Готовлю суп, под краном мою ложки.

Среди зимы я здесь живу один,
И поутру, надев собачью шапку,
Чтоб растопить задымленный камин,
Звонящих дров я приношу охапку.

А на пути моём стоит гора
Чистейшего, сверкающего снега.
И белка рыжая, пушистая, с утра
По ветке ледяной карабкается в небо.

Коварен сумрачный прибой,
Волна качает борт причала,
И катер с белою трубой
Плывёт вдоль узкого провала.

И непонятно, где же я,
В каком краю, какого света,
И день уходит вдаль, скользя,
От тихой пристани и лета.

И луч высвечивает дно,
Где беспорядочно застыли
Цветные камушки, бревно,
Лежащее по пояс в иле.

В себе уверенный червяк
Путь пролагает в древесине.
И серый угловатый рак,
Передвигающийся в тине.

Залив горбатится волной,
Дна изменяющий основу,
Текучей, мягкой, огневой
Каменя режущей покровы.

Как будто голубая сталь
Заключена в бурлящей плоти,
А неба розовая даль
Всех расставаний грустных против.

В провинции

Я в провинции живу вполне счастливо,
Никого не восхваляю, не кляню,
Как хочу, гуляю: прямо или криво —
И кому какое дело? Никому.

Прохожу по перелескам звонким,
По грибным, нехоженным местам,
Хлебный мякиш, высохший и ломкий,
Брошу сойкам быстрым и клестам.

В тех местах глухих я завсегдатай,
Для осин и ёлок парень свой,
Погощу в берёзовых палатах,
Угощусь брусникою лесной.

Утомлю давнишнюю тревогу,
Да и, верно, что же горевать?
Все мы гости — в «дальнюю дорогу»
Не спешу пожитки собирать.

Что огонь, что вода — всё одно,
Крошкой звёздной усыпано небо,
И горит над асфальтом окно,
За которым полжизни я не был

И не буду уже никогда.
Каждый раз я откладывал встречу,
Кто же думал, что жизнь коротка,
Всё забыл — ничего не отвечу.

Чей же свет за открытым окном,
И о чём раскричались соседки...
Тянет в воздухе горьким дымком
И пустынно на лестничной клетке.

Под разливы собачьего лая
Я вернусь по колючей стерне
В ту деревню, где, листья взметая,
Бродит осень в закатном огне.

И колышется синь над рекою,
И дымок над дремотою крыш,
И, её покорившись, покою,
Буду слушать, как плачет камыш.

Возвращусь к её мудрости древней,
В край, где каждый второй мне родня,
В позабытую мною деревню,
Что когда-то растила меня.

И ни в чём не найду перемены,
Лишь повеет полынной тоской,
От дворов, где белёные стены,
Где качается воздух живой.

Моя душа живёт на пепелище
Упавшей с неба крохотной звезды,
Она молчит и своего не ищет,
Ночует у заоблачной гряды.

Ослепшая, идёт по кромке леса
На звуки непонятных ей миров
И ищет из простого интереса
Жар-птицей обронённое перо.

И для неё давно открыта тайна
Рожденья гроз в сиреневом огне,
И, если встретишь ты её случайно,
Не мучь расспросом праздным обо мне.

За дорогой, где гаснут рябины,
Кто-то жжёт накопившийся сор,
К огоньку я отчаянно двину,
К человеку, что палит костёр.

Но приблизиться всё ж не рискую,
Он случайного гостя не ждёт,
Пожелтевшую дряхлость лесную,
Словно душу упавшую, жжёт.

Как чужак допотопного века,
Что с зажжённым ходил фонарём,
Ищет верного он человека,
Освещая идущих огнём.

Он известен всей местной округе,
Суесться ему не с руки,
Что-то грозное в огненном круге,
Если ты человек — подходи.

Смотрит он на костёр золотистый,
Телогреечку сбросив к ногам...
И пригорок становится чистым,
Словно вымытый дождиком храм.

Белые занавески

Сияло солнце золотое в рамах,
Я не спешил умчаться за порог —
На праздники, принарядившись, мама
Пекла в духовке яблочный пирог.

Она смеялась радостно, по-детски,
И счастлива была лишь потому,
Что белые пошиты занавески
И так от них светло, как в «терему».

Гудел в трубе за вьюшкой сонный ветер,
Сквозил по занавескам дух избы,
Тот мир исчез — и мы живём на свете
В приёмышах бесправных у судьбы.

Душою суетливой не свободны,
И веруем, и любим кое-как,
Не потому ли грубые полотна
На наши окна опрокинул мрак.

Поздний ужин

Пройдёт шальной сентябрь
И жёлтый лист закружит,
И мы уйдём искать
По рошицам грибы,
И возвратимся в дом,
Затеём поздний ужин,
Как зиму переждать?
Её ветра грубы.

Снегов туманный вихрь
Переметёт дорогу,
Накроет степь крылом
Серебряным и тут —
Заголосит метель,
Отплачет понемногу
И отболит душа,
И слёзы отойдут.

Гроза

У окна ты в молчанье стоишь,
А на сердце тревога застыла,
Грозовая надвинулась тишь,
Отвернулась и всё позабыла.

По щеке покатилась слеза,
Зазвенела цепочка дверная,
Как гремит над дорогой гроза,
Серебристые кроны сминая!

Но гроза от указов вольна,
Прогремит и уходит бесследно,
И суровость её не видна
В небесах, от волнения бледных.

Снегирь

Перестуки колёс и перрон опустевший мне снится,
И в разводах дождя золотая промокшая даль.
Там, за синей горой, проживает волшебная птица
В заповедном лесу, а за окнами снова февраль.

Я проснусь, позабыв, что давно проживаю на свете,
Я один без тебя, но рассвет мне напомнит о том.
Он, явившись тайком, мелом дворики тихие метит
И снега серебрит, заблудившись в проулке глухом.

И поднимется вновь в моём сердце великая смута,
И захочется мне ту тревогу и горечь унять...
Но я знаю, молчи, пролетит этой грусти минута
И в предутренней мгле разольётся зимы благодать.

Я свой чайник включу, замурлыкает в чайнике лето,
Будто вновь зашумит разнотравьем зелёная ширь,
Я открою окно и увижу в тумане рассвета —
Среди снежных стволов пламенеет на ветке снегирь.

Воспоминание

Я слушаю зимы
Метельное гуденье,
Сквозь шорохи помех
Врезается «Маяк»,
В эфире шум глухой,
Тревожное хрипенье
И близится рассвет,
И уплывает мрак.

Мне до твоих забот
Нет никакого дела
И пролетевших лет
Восторженных не жаль.
Упрямая метель
Пуржит толчёным мелом,
Я жду, ещё чуть-чуть —
И кончится февраль...

Из неизвестных стран
Примчится ветер вешний,
Затренькает с утра
Весёлая капель.
С подтаявших ветвей
Снег отряхнёт орешник
И ледяной свой шлейф
Укоротит метель.

И всколыхнёт апрель
Забывшие надежды...
Я радуюсь теперь
Любому пустяку:
Вот ветер постучал
В мой дом,
Совсем как прежде,
Припал закатный луч
К дверному косяку.

Повисла тишина
И птиц пугливых стая
Кружится в вышине,
Пронзая синь крылом...
Но, если серый снег
Вдруг поутру растает,
Я буду слёзы лить,
Наверное, о нём.

На берегу далёкого залива
Меж двух стихий влюблённых мы, счастливо,
Раскинувшись на золотом песке,
В зенит смотрели бесконечно-долго,
В зелёных бликах вздрагивала Волга,
И мчались чайки белые в тоске.

Их крик мятежный затихал в просторе,
Синели горы в праздничном уборе
И колыхалась неба глубина.
Воздушная и водная основы
Смыкались в круг и размыкались снова,
И била в берег сонная волна.

Казалось, день не кончится звенящий,
К воде сбегались сумрачные чащи
И жадно пили беззаботность дня.
Казалось, вечность с гулом пролетела
И стрелки на часах окаменело
Стояли, тайну времени храня.

И было нам, прожившим век в неволе,
Светло и грустно в каменной юдоли
Туманных гор, таинственных, как сон.
И, вглядываясь в солнечные дали,
Мы книгу жизни по слогам читали,
Внимая гулу вечному времён.

Отзвенела молодость по струнам
Золотого солнечного дня.
По высоким пенистым бурунам
Пронеслась высокая ладья.

Проплыла вдоль тёплого залива,
Там, где неба вспыхивал проём...
Верю я — когда-нибудь счастливо
На земле мы тоже заживём.

Отдадимся летнему покою,
Песне, улетающей в зенит...
По песку бродили мы с тобою
У бетонных почерневших плит.

И, в волне играя быстротечной,
Серебрились рыбы в глубине...
В этот час мы были так беспечны —
Может быть, и счастливы вполне.

Я тебя не узнал —
 изменилась,
Всё прозрачнее глаз васильки.
Почему ты сегодня приснилась?
Почему побелели виски?

Желторотый птенец прочирикал
Незатейливый гимн о весне,
И от этого громкого крика
И теплее, и радостней мне.

Вот он с ветки вспорхнул неумело,
В первый раз покидая свой дом...
Неужели и жизнь пролетела
Вот таким же обманчивым сном.

И дождь оплакивает сад,
И листья падают, как искры,
Над миром снова листопад
И злого ветра кружат свисты.

И бродит осень среди тьмы,
Нам о любви напоминая,
Но ничего не понимаем
И ничего не помним мы.

В кругу бессмысленных потерь
Стоит наш дом среди голых вишен
И, если стукнет счастье в дверь,
Его мы точно не услышим.

Зачем кричу, восстав над чёрной далью,
Кого зову и плачу по ночам,
Проходит век, сверкая грозной сталью,
И связан я свободой по рукам.

Кто выдумал смеяться над страной
С тысячелетней, древнею судьбой,
В ответе мы, мы мечены виною,
Виною страха, дрожью роковой.

Кого боимся мы, рождённые в неволе,
Оплаканные песнею дождей,
Что любим мы — лишь этот плач и поле,
И голоса безумные вождей.

Куда идём, ведомые слепыми
Дорогами беспамятства и лжи,
Кого зовём прошениями пустыми,
Ломая полусгнившие межи.

И, головы свои вздымая выше,
Возводим храмы в нищенской стране,
Где свет берёз, струясь по чёрным крышам,
Звенит, как лёд, в вечерней тишине.

Отчего, не пойму, в этом мире так много печали,
Сigaretу возьму и уйду покурить на балкон.
В море дымных огней тонет город бетона и стали,
Он в сограждан своих беззаветно и тайно влюблён.

Научиться бы мне от него этой светлой отваге,
Всех на свете любить, никого и ни в чём не виня,
И отдать всё, что есть, и в душе, и в кармане, бродяге,
И идти налегке, образ твой неизменно храня.

Чиркну спичкой — и вот затанцует, закружится пламя,
И увидят его из созвездья с названием Стрелец.
И звезда упадёт, что стояла весь век перед нами,
Будто глупый сорвётся с высоких гнездовий птенец.

А бомж он тоже человек,
Хотя не ходит на работу,
Недолог бедолаги век —
Возьмёт да и помрёт в субботу.

А, может быть, наоборот,
За скудный ужин из овсянки
Травой заросший огород
Прополет страждущей гражданке.

Запустит камнем в вороньё
И примется за дело снова.
И одиночество её
Прогонит немудрёным словом.

Слепота

Не потому мы предаём,
Что счастья для себя желаем,
В себе себя не узнаём
И в слепоте своей блуждаем.

И робко замедляем шаг,
И темнота вокруг клубится,
Но худшее, что может враг,
В душе ослепшей отразится.

Аспирин даст аптекарь,
Суетой отравит век.
Время — опытнейший лекарь,
И хороший человек

Виноватого осудит,
Боль из памяти сотрёт,
Всё, что было, позабудет—
И покатится вперёд.

Растворится в снежной пыли,
Поистратит в драках прыть —
Мы его терять любили.
Ну, а как иначе жить?

Время — опытнейший лекарь,
Пью его, как аспирин,
С властью подленького века
Бьюсь я целый век один...

Гудящих вихрей злая пляска
Бросает в лица колкий снег.
Прохожие надели маски,
Скрыв суть порочную от всех.

Но мы с тобой по взглядам знаем,
Кто здесь герой, а кто злодей,
Мы с ними в простаков играем,
Они — в порядочных людей.

Бессвязных слов негармонична мера —
Мне норов мой поставили в вину.
Кричать во тьму не лучшая манера
И проклинять предателей страну.

Что хочешь ты сказать, глашатай слова,
Куда идёшь, ступая наугад?
Вот ты опять без денег и без крова,
Опять один, а вслед хохочет ад.

К чему страдать в плену сердечной смуты,
Слепящих вьюг, навязчивого зла,
Транжируя все быстрые минуты,
Сжигая жизнь безжалостно дотла?

Смирись, глупец, и отыщи обитель,
Где в тишине мерцающих икон,
Взывая к Богу, бродит небожитель —
Ведь о тебе молитву шепчет он!

Поэт

Ему уже немало лет,
Но, кажется, что он не видит
Ни нас с тобой, ни этот свет,
Смеясь, его любой обидит.

К столу протиснется бочком,
От пустяка развеселится...
За стёклами его очков —
Глаза давно ослепшей птицы,

Он смотрит в глубину земли
И судит обо всём иначе,
Чем те, кто стены возвели
И отчуждения, и плача.

В стране предательств и измен
Все шли проторённой тропой...
Не ожидали перемен —
Рабы клеймённые судьбою.

Но он увидел в бездне зла
Грядущего гнетущий ужас...
Нас вместе эта боль свела,
Сроднила огненная стужа.

Не попрощавшись, он уйдёт,
Своё пальтишко взяв в охапку,
И ветер с головы сорвёт
Его потрёпанную шапку.

А те, смеясь ему вослед,
Которых он уже не слышит,
Кричали: что он за поэт,
Когда он ничего не пишет?

Гладиатор

О, как нелепо мы кричим
В тревожном сне, что в жизнь длиною.
В багровых бликах грозный Рим
Встаёт виденьем предо мною.

Я — гладиатор. Мрачный пир
Затих, рассвет встаёт в полнеба.
И жаждет крови праздный мир,
Он жаждет зрелища и хлеба.

Нет к слабым жалости у нас
И сердце в ужасе трепещет,
И палец вниз — таков приказ,
И чернь, беснуясь, рукоплещет.

От нашей крови чернь пьяней,
В огне безумного азарта
Нас почитают за зверей —
Им отомстит за это Спарта!

Тому, кто на заре умрёт
Иных времён приснятся блики,
И конский храп, и ломкий лёд,
И Рим, и Колизея крики.

Слепой человек

Я — слепой человек, я скитаюсь по жизни,
Ничего в этой жизни не понял пока —
Что бывает мгновенья важней и капризней?
Кто счастливей живёт на земле простака?

Мы блуждали с тобой по придуманной сказке —
Над безликой толпой возвышался портрет.
С детства нам на глаза повязали повязки
И вручили надежды счастливый билет.

Песня красной гвоздики в душе отзвучала —
И больная страна умерла в тишине.
Ты бороться за счастье с толпою устала,
Улыбнулась и вот заглянула ко мне.

И рассыпалась в пыль невесёлая сказка —
Ты коснулась рукою болезненных век
И с проклятьем сняла роковую повязку,
И от яркого света ослеп я навек.

Гармонист

Как тот кулик, что плачет на болоте,
Как тот журавль, что мёрзнет на ветру,
Моя душа весь век живёт в заботе,
Сидит дурнушкой тихой на пиру.

Эй, гармонист, какая песня злая!
Не ты ли тот, что шёл с ножом в ночи?
Не твой ли брат теперь в окошко рая
Рукой озябшей поутру стучит?

Что просит он, о прожитом горяя?
Но дверь глуха, не заскрипит засов...
Напой мне песню светлую, другую —
Из тех, дремучих, муромских лесов,

Из той глуши... Мне больно за державу
За слово Русь, что тянется, как звон,
За дел её блистающую славу,
За жизнь её тяжёлую, как стон,

За крест её! — от твоего напева,
И грустно мне, и радостно вдвойне...
И лихо пляшет ветренная дева,
Ещё не протрезвевшая вполне.

Зима

Она пришла простою побирушкой
В заштопанном морозами пальто,
Зима, зима, седая ты старушка,
Какой была, не помнит уж никто.

Дождь в январе и слякоть, и капли,
И мокрый снег на несколько часов,
Но всё ж крещенские приходят к нам метели
Из тех дремучих, муромских лесов.

Где синь снегов и гул ветров в просторе,
Янтарный сруб и башенки кремля,
Где радость светлая живёт в печальном взоре,
Молитвенников тихая земля.

Где древний мир от края и до края,
И череда забытых деревень,
О, дай тебя обнять, о, Русь святая,
Яви с небес пророческую тень.

Дай мне взойти дорогами твоими
Туда, где кротких мучеников рать,
И вдруг прозреть глазами пустыми.
Найти тебя и больше не терять.

Тяжёлый разговор

К.Ф. Рассадину

Когда я прихожу к нему,
Я вижу стол пустой и серый.
О, как потом себя клянусь,
Что было выпито не в меру.

Он молча на огонь глядит,
Ломаёт чёрствый хлеб рукою,
В углу прокурённом сидит,
Окно проветрить не откроет.

Оно давно забито им,
От лютых сквозняков и счастья,
Теперь в него вдвоём глядим,
За ним всегда шумит ненастье.

Богемы суетная жизнь
Была им выбрана когда-то.
Кому не нравится — катись,
Тарелка кислого салата.

Вот он согнулся, словно гном,
Услышав злое пенье вьюги...
Давай поговорим потом —
И я встаю почти в испуге.

И стены смотрят на меня,
На серый стол и кучку пепла,
И кто-то ходит, семена,
И жаром пышет, как из пекла.

Прерву тяжёлый разговор,
Сама Россия здесь бедует,
Открою двери в коридор,
Пусть свежим ветерком обдует.

Идею русскую найти
В его углу не хватит света,
Я мог бы запросто уйти,
Но что ему сказать при этом?

Хорошо ему блять барашком,
Навевая всем сон золотой,
Потому что барашкам не страшно
Ровным строем идти на забой.

Гибнут дети, во взрослых играя,
Соскочить не дадут им с иглы,
Он в мечтаниях слюни пускает —
Мол, Россия восстанет из мглы.

Знай себе, убеляет одежды,
К душным праздникам выбрит зело,
Как его беспечальны надежды,
Как его благородно чело.

Но его уверенья лукавы...
Грянет с неба спасительный гром
И народ вспомнит прежнюю славу,
Перекрестит свой лоб и свой дом.

И Господь пожалеет Россию,
И прервёт её мертвенный сон —
А пока помолчите, витии,
Помолчите до лучших времён.

По обочинам шумных дорог
Притулились сиротки берёзы,
И висит синеватый дымок,
И шуршат по асфальту колёса.

И торопится новая Русь,
Мчат «тойоты» красиво и лихо,
Кто в них едет, сказать не берусь,
А проедут — становится тихо.

Жаль, что пыль на берёзы легла,
Жаль, что копоть на души осела.
Даль родная, ты светлой была —
Ты заморской судьбы захотела.

Променяла высокие сны
На дешёвый налёт позолоты,
За кого твои гибнут сыны?
С кем воюют безусые роты?

Обезумела ты до поры,
На разруху глядишь без участия.
Но в одном виновата и ты,
Что поверила в лёгкое счастье.

Ты зачем тянешь ветки свои
За весельем отравленной жизни?
Ведь поют у дорог соловьи
Те же песни твои об Отчизне.

Самурай

Самурая одежду я снял
И, укрывшись от летнего зноя,
Я омыл свой тяжёлый кинжал
Набежавшей волною.

Ратный труд мой — наследье отцов,
Скромный житель зелёного склона,
Я — защитник глухих и слепцов
По велению судьбы и закона.

Мне неведом в сражении страх,
Я расчётлив, жесток и спокоен,
Я с улыбкой умру на губах,
Самурай — от рождения воин.

И пойду по мерцающей мгле,
Став бессменным хранителем рая
Как когда-то я шёл по земле,
Беспощадным кинжалом играя.

Поэт

Чёрный ветер дороги подмёл —
Открутили шальные бураны.
Всё, что было, поставил на стол
И наполнил стаканы.

От обиды бугром желваки,
Как свирепые псы, заходили,
Ах, какие мы все чудаки,
Злобной воле служили.

Пятьдесят, даже дня не отнять,
Не смотри, что седины.
На себя остаётся пенять.
Распрявим же согбенные спины.

Выпьем, стоя, за русскую степь,
За достойных свидетелей славы,
Всё отдали — не жаль умереть
На обломках великой державы.

Брату Владимиру

В этой туче нахмуренной — снег,
В этом облаке розовом — грозы,
Отзвенел искромётный твой смех
И иссякли прозрения слезы.

Что ты помнишь из прошлого, брат?
Сиротливого поля ромашку?
Встречный ветер — он, кажется, рад
Красным парусом выгнуть рубашку.

Перемелется всё и пройдёт,
Лишь мерцают рассветы всё дальше,
И серебряный ветер поёт
О любви и о смерти без фальши.

Ветер, ветер! — а где же твой дом?
Мы тебя никуда не отпустим,
Ах, давайте об этом потом,
Ах, давайте об этом без грусти.

Обезглавленный храм

Обезлюдел убогий наш край,
Обветшали покатые крыши,
Переключку кочующих стай
Мне хотелось, как прежде, услышать.

Дотянуться хотелось рукой
До зари, что дымилась, как рана,
И застыть над холодной рекой
В виде белой полосы тумана.

И не думать о бедной стране,
О державе, погибшей без боя,
И уплыть на высокой волне
В неизвестное море покоя.

И забыть обезглавленный храм,
Где лишь ветер разбойничий свищет,
А в глазницах раздробленных рам
Отражается свет пепелища.

Древний мир затерялся в жнивье,
Под застрехой гнездовье земное
Быстрой ласточки: в ветхом жилье
Обезлюдевшем — всё ей родное.

А казалось бы, что этот дом
Из пропахших рассветами брёвен?..
Жило счастье стозвонное в нём
И витал перезвон колоколен.

...и прошёл разрушения вал,
Пролетели безумные годы.
Кто же тайно тебя убивал,
Дивный край деревенской свободы?

Потому и кружит вороньё,
И затянуты тиной затоны...
Сгинет родина, если её
Божья мать не окрестит с иконы.

Я смотрел на разбитые стены,
Слушал звуки безбожных времён:
Лай собачий и визги сирены,
И людей умирающих стон.

Длинный ряд умывальников серых
И бараков разрушенных пыль.
Грубых варваров дикая вера,
А за лагерем — мёртвый ковыль.

Ни охранника нет и ни зэка,
Все как будто бы разом ушли.
Только ужас ушедшего века,
Только чёрные комья земли.

Во дворе в этот час ни души,
Лишь, хлебнув неопознанной дури,
Под окошком шумят алкаши,
Ну, чего им не спится, в «натуре».

Про кремлёвский судачат обман,
Стих читают, что «выдал» Есенин,
Ну, а то, что дыряв их карман,
Это их не волнует — «до фени».

Им бы надо спокойнее жить,
Протрезветь, поумнеть и побриться,
И обидчиков властных простить,
И с кремлёвским обманом смириться.

Отчего же и в мёртвой тиши
Мне не спится всю ночь до рассвета?..
Ну, побреются те алкаши,
Ну, простят всех, а родины нету.

Всё отдали — и дом, и домовых,
Ну а в придачу прочие мытарства,
Хотелось очень булок дармовых —
И самозванцев возвели на царство.

Помыкались и вот идём назад —
Речь чуждая повсюду нас встречает...
Стучим в свой дом — выходят и молчат,
И псов цепных навстречу нам спускают.

И год прошёл, и десять лет —
Наглеет вражеская сила,
И славы русской больше нет —
Толпа послушная труслива.

И приговор суровый строг,
И наглые трезвеют рожи,
Безумным не поможет Бог
И заграница не поможет.

Сгорела башня, лес сгорел,
Подводная пропала лодка —
В стране кровавый беспредел —
Ура — подешевела водка.

Весенний луч, полуулыбка,
Трамвайный звон, пустой вокзал,
И, кажется, играла скрипка,
И ветер вольности витал.

Теперь живу в полуподвале
Забыв обманчивый уют,
Меня узнаете едва ли —
Я стал до безобразья крут.

И никого из прежней свиты,
И царств распроданы венцы...
А в замке родовом — бандиты,
А в школьном дворике — шприцы.

За окошком стучат в домино,
Разыгрались нешуточно страсти.
А по телику крутят кино
Про чужое, далёкое счастье.

И, казалось бы, благодать одна,
Скоморохи вещают со сцены,
Только жаль, развалилась страна,
Всё отчётливей голос измены.

Промывают народу мозги
И умело сживают со свету.
Присмотреться — не видно ни зги
И пророка в отечестве нету.

И идём мы, не знаем, зачем,
И пришли неизвестно откуда...
Лёт «Титаник» в предательский крен
И Россию целует Иуда.

В смирении мне хочется молчать.
Не замечая мглистого излома
Коротких дней, вот я стою у дома,
Где жили мы, где умирала мать.

Внимая шуму сумеречных лет,
Я проникаюсь искреннею верой
В иную жизнь. Заката яркий свет
Горит во тьме, смешавшись с краской серой.

Не скрыть деревьям нищей наготы,
Дрожат во тьме их хрупкие ладони.
И, если здесь кого-нибудь хоронят,
Несут в венках бумажные цветы.

Перебороть тоску не хватит сил...
Мы в этом мире — странники чужие.
А наши души — раны ножевые —
Скорбят над тайной дорогих могил.

Гудит вокзал и ветер, будто нищий,
Средь серых листьев ищет золотой,
А в сапоге, как раз за голенищем,
Припрятан ножик с ручкой нарезной.

Выходят из вагонов пассажиры,
Блаженно пьют шипящий лимонад,
Мелькают шляпки, строгие мундиры,
О пустяках дорожных говорят.

И стайка неприметная мальчишек
Меняет этикетки.словно печь,
Над ними солнце огненное пышет,
А дальше степь, пески...
Никто не слышит,
Как пыльной бури закипает смерч.

Воскресный перезвон,
Тревожный ветра ропот,
Молитва на заре,
Дорога до креста.
Пал Третий Рим,
Ждёт новых жертв Акрополь,
От славы прежних лет
Ни слова, ни следа.

Святыни преданы —
Венец разбитый в прахе,
О! Русь, венчай
Спасителя-царя...
Пусть самозванцы
Изнывают в страхе.
Восстанет павший Рим,
Отмщением грозя.

Устав от бесполезного труда
И отупев от подленького страха,
Из прошлых лет мы забрели сюда,
Где ни креста, ни шапки Мономаха.

По всем каналам подлое враньё —
Свою страну и ту едва узнали...
Пророчит смерть и ужас вороньё,
Молчит лишь Слово, бывшее Вначале.

Волшебная свирель зимы

Нужна ли правда? — вот благая мысль.
Правдоискательство — пустая канитель?
Мой город захватила стая крыс,
Потеряна волшебная свирель.
Колодцы наши были глубоки —
Ведро, как в вечность, падало, звеня,
И весело скрипели ветряки,
Благословенье древнее храня.

Но край родной поруган и избит,
И мельничные встали жернова,
И не в чести достоинство и стыд,
И обмельчали мысли и слова.
Вожди слепых слепыми родились,
Не будит спящих колокольный звон.
И пол-России от тоски спились,
А половине снится мрачный сон.

В домах глухих ни слова, ни свечи,
В крошечной тьме весь век блуждали мы...
Но слышу я сквозь вьюгу там, в ночи —
Волшебная звенит свирель зимы.
Храбрец, не выпусти свирель из рук —
Лады её певучие хрупки...
И пусть колодезный наполнят снова сруб
Подземных речек ручейки.

Прозрачным станет гулкий небосвод,
Пусть он сейчас и сумрачен, и мглист,
И стаи крыс уйдут в пучину вод,
И будет город солнечен и чист...
И будет город солнечен и чист...

А.М. Сизову

Как дальше жить? Сотри ладонью слёзы,
Разлуки след рубцуясь, отболит.
В твоём саду изломана берёза,
Она, по нашим меркам — инвалид.

Что впереди — теперь уже не важно,
А важно то, что мы приветы шлем
Знакомым всем в конвертиках бумажных
И ожиданьем лучшего живём.

Но в день один падут на землю розы
И мы поймём тогда, как краток век...
Как дальше жить? И горло душат слёзы,
Ах, как жесток бывает человек.

Ну, вот и стали мы взрослей,
Но жаль, что души очерствели,
И ветры грубые всё злей,
И всё отчаянней метели.

И в этом не было б вины,
Когда б ни стали мы суровей.
Взираем исподлобья мы
И привыкаем к цвету крови.

В нашем городе снег,
В нашем городе кружится вьюга.
Заметает дворы,
За окошком не видно ни зги.
Скачет всадник-февраль,
Серебром его блещет кольчуга,
А за ним по пятам
Грозных воинов мчатся полки.

Эта конница нам
На подмогу ниспослана свыше,
Средь раздора и зла,
Мы попали в предательский плен,
Что же воли просить...
Ты жива ли — тебя я не слышу,
О, Россия моя!
Поднимись же скорее с колен.

Пусть исконный твой враг
Всё запутал — и правду, и небыль,
В предвкушении беды,
Он дороги к спасенью замёл,
И упрятал во тьму
Твоей славы великое небо,
Чтоб никто из святых
В град небесный уже не ушёл.

И глаза ослепил —
Не уйти от порочного круга,
От обмана и лжи,
От надгробных скорбеющих плит.
Мчится всадник-февраль,
Серебром его блещет кольчуга,
А за ним по пятам
Одичавшее время летит.

Он идёт сквозь туман наугад,
Вековую не тронув межу,
Ты к кому направляешься, брат?
Отвечай, а то враз уложу.

Говорю тебе: мимо иди,
Гнили вашей и так по ноздрю,
Только совесть, как муха, зудит,
Не напрасно его ли гоню?

Шелестит у крыльца сухостой,
Напрягаю тревожно я слух:
Стелет осень пожухлой листвою.
Имярек, да, я вижу, ты глух.

Подошёл он, ступил на крыльцо,
В дом вошёл и присел у огня.
До чего же знакомо лицо.
Неужели и вправду родня?

— Не молчи же, чудака-человек... —
И сказал он, натужно хрипя:
— Я твой сон, я твой проклятый век,
Я в беде не покину тебя.

Н.В. Богомолу

Мы боимся врагов, мы боимся друзей и любимых,
Мы боимся себя, мы боимся высоких речей,
Мы боимся любить, о, замрите, идущие мимо,
Там, под коркою льда, что-то шепчет студёный ручей.

Как же дальше нам жить с этим страхом, что замер
под кожей,
Среди горестных лиц, умирающей в муках страны?
Как же дальше нам жить, на счастливых людей
не похожим,
А похожим на снег прошлогодней ослепшей зимы?

Нам сказали: — Вперёд.
Мы пошли, как один, по приказу,
Тот, кто отдал приказ, уж почил на обломках страны.
Нам сказали: — Назад.
Повернули не все и не сразу,
И идём, кто куда, прорываясь сквозь ужас войны.

Мы боимся молчать, как мы долго об этом молчали,
Свято веря лишь в то, что твердили вожди нам с утра.
Те герои, кому коммунизма светили медали,
Проклинают теперь всё, что сами творили вчера.

Этих вёсен растаявший след.
Этих песен тревога шальная...
И синее цветок горюцвет,
И слезой поднебесною тает.

Постою у чужого костра,
Поцелую тебя на прощанье.
Мы за счастьем спешили с утра,
А другие спешили за данью.

Кто куда — неприкаянно, зло,
По дворам проходным, что поглуше...
По которым и счастье ушло
Малой лептой за грешную душу.

Ну, что же, спасибо, родная,
За бедное наше житьё!
Печальную тризну справляет
На жёлтых полях вороньё.

В болезни страдаешь ты тяжко,
Стараясь быть матерью тем,
Кто, даже родившись в рубашке,
Как все, и несчастлив, и нем.

Была ты сестрой и подругой,
Молитву я слышу твою.
Ты в душу рыдаешь мне вьюгой,
А я твои песни пою.

Великой печали держава,
Ты нас, непутёвых, прости.
Ты судьбы народов держала,
От бед охраняя в горсти.

Они насмехаться не смеют—
Тебе ли насмешки терпеть...
Ведь если твой дух ослабеет,
То рухнет небесная твердь.

Мы шагали по жизни не в ногу
И горланили песни не в лад.
И хвалили кривую дорогу,
Что вела нас прямёхонько в ад.

Равнодушьем друг друга губили,
От беды никого не спасли.
Персть родную тогда полюбили,
Когда прахом в неё легли.

Пока не насытится глаз
Движеньем, сверканием, тьмою,
И ухо — случайностью фраз,
Звучащих весёлой волною,

Пока не осознана жизнь
И песня, звучащая свыше,
Не вижу, где даль, а где близь,
И ноты фальшивой не слышу.

Тянулись деревянные повозки.
Степей взбивая вековую пыль,
Защиты нет — церковные берёзки,
Молитвы вопль — вспененный ковыль.

Да степь бескрайняя, оглохшая от гула,
Да ветер шумный с четырёх сторон.
Защиты нет им, — Тамерлан так думал,
Но в ту же ночь он видит вещий сон:

Разверзлась вдруг небесная стена
Мать Богородица ему грозила свыше.
Он войско развернул, восстав от сна,
И из пределов русских молча вышел.

А что же мы? В безверьи, как слепые,
И каждый нищ, и голоден, и гол.
А помните повозки кочевые?..
Как Божьей воле верен был монгол?

Всего лишь был ветер
И лист осыпался,
Но солнечный мир голубой
Погибели близкой своей опасался,
А мы целовались с тобой.

И мрак надвигался, и птица не пела,
Во тьме притаилось зверьё,
Дрожало упругое гибкое тело,
Почти обнажившись, твоё.

Под нами шуршали опавшие листья
И мёртвые стебли травы:
Ни вздоха, ни чувства, ни слова, ни мысли —
Возможно, мы тоже мертвы.

Над нами вечерние звёзды кружили,
Заря догорела во мгле,
И мне показалось, когда-то мы жили
С тобою на этой земле.

С. В. Тришкину

В начале мира было слово,
Потом плацкартный плыл вагон,
Читали наизусть Рубцова
И разливали самогон.

Под вечер не держали ноги,
Сквозь дымный отсвет видел я
И ту скамью, что у дороги,
И чуть живого воробья.

Куда ни кинь — всё безнадёга,
Плыл за окном равнинный край —
Мы дети малые у Бога,
А детям уготован рай...

Жаль, что для мира мало значил —
Российской святости венец...
А за окном двойным маячил
Ковыль да горький солонец.

Мы все уйдём и не вернёмся,
Напрасно ждать, напрасно звать.
Дыханьем моря отзовёмся,
Когда оно колышет гладь.

Когда оно поёт без толка,
Не умолкая никогда:
Мы вместе временно — недолго,
А если врозь — то навсегда.

Кружится низко птичья стая,
Заснула степь тяжёлым сном.
Распродаётся Русь святая,
Темнеют лики у икон,

И говор по дворам всё глуше,
И образ Божий искажён,
И потому мертвеют души,
Когда проходит рядом Он.

Но знаю, жив ещё в селениях
России православный дух,
Где в храмах ангельское пенье
И святость сухоньких старух.

Я стою над бегущей волною
И встречаю холодный рассвет,
Я не знаю, что станет со мною —
В суете исчезающих лет.

Что же станет с уставшей страной,
Что же станет с могилой моей...
Ах, как веет полынью седою,
Ах, как звонко поёт соловей.

Отзвучали печальные звуки
Голубых среднерусских небес.
Обезумел от горестной муки,
От расстрелов берёзовый лес.

Может быть, оттого, что устали,
Всё простили, забыли, снесли...
Тех времён мавзолеи, медали
И портреты в музейной пыли.

И убийце простил убиенный,
Оскорблённый простил подлецу,
И всё тот же вальсок довоенный
Кружит в послевоенном лесу.

И время требует к ответу —
В суровом развороте дней
Судьба промчалась, как комета,
Мне было всё в новинку с ней.

Скажи, а что ещё осталось,
О чём бы стоило жалеть...
Ну, что-нибудь, хотя бы малость...
Быть может, жизнь?
Быть может, смерть?

Россия в огне

По дороге иду,
Что лежит вдоль берёз,
Где лиловые блики
Кукушкиных слёз,
Та дорога пыльна,
Та дорога вольна,
По России больной
Пролегает она.

Пролегает она
По России больной,
Где качается ветер,
От горя хмельной,
Где оврагом глубоким
Разрезан пустырь,
Где в руинах угрюмых
Лежит монастырь.

По дороге пройду,
Травы в поле примну,
Непокорную ветку
Рукою пригну,
Небеса, словно ситцы,
Синей в вышине,
Отчего же мне снится
Россия в огне?

Всё в пламя, всё —
Довольно сердце мучить,
И письма жечь, и плакать у огня,
И всё ещё надеяться на случай,
Всего один, хранимый для меня.

Минует ночь,
Огонь любви погаснет,
Развеет ветер пепел от костра,
Вот так и жизнь, а говорили — праздник,
Шагай себе под возгласы «Ура!».

Ну, подумаешь — сбили кресты,
Расстреляли селенье, другое.
Эко горе, что души пусты —
Просто-напросто время такое.

Ни простить, ни покаяться — нет,
Отрезвились холодным простором,
И исчезли в сумятице лет,
Неизбывная боль от которой.

Пятилеток суровая нить,
Перестройки пустая бравада —
Научились по подлости жить,
Ни души и ни храма не надо.

И отравою льётся вино,
И простор для убийства и блуда...
Помнишь, помнишь, когда-то давно
Жил на свете предатель Иуда.

Среди толпы верша свой путь,
Зашёл я к огоньку погреться,
И горький дым ударил в грудь,
И от тоски ослепло сердце.

Скитаний плащ проела моль
И шпага чести заржавела,
И я забыл, что я король,
И ты, как все, к костру присела.

И завязался мрачный пир —
Или обычная попойка.
С пятном на лбу воссел кумир
И покатилась «перестройка».

И карты бросили на стол,
Наживы закипели страсти,
Двуглавый воспарил орёл,
Отбившийся от прежней власти.

Потом погнали чернь в загон —
Её повадки слишком грубы.
Чума пришла, поднялся стон
И запеклись от жажды губы.

Тёмно-синяя даль, переливы весеннего гула,
Над простором небес журавлиные машут крыла,
И земля не дрожит, потому что навеки уснула,
И душа не болит, потому что почти умерла.

Среди этой беды, среди лжи и базарного гама,
Когда, кажется, всё утонуло в пугающей мгле,
Как спасенье моё, вновь и вновь проступают упрямо
Лики тысяч святых, просиявших на русской земле.

И я верю тогда — возвратится Россия из плена
Кровожадных химер, от губительных распрей устав,
И изгладит она грех убийства, предательства тлена,
Пребывая вовек нерушимой твердыней Христа.

А снег идёт, как белый кот,
На мягких лапах.
Он молоко из блюдца пьёт —
Из детства запах.

Бесшумный, тёплый и немой
Посланник вечности самой,
Высот служитель.
Он много лет во тьме кружил,
Он на другой планете жил,
Он неба житель.

А мы скитались по земле,
Служили сумеречной мгле
И звёздам мёртвым.
Они сорвались вниз потом
И стали инеем и льдом,
И настом мёрзлым.

Молчи, послушный гражданин,
Доживший честно до седин,
Всё по указке —
Сопровождения кортеж,
Поверь, правители всё те ж,
Из той же связки.

Не доверяли мы словам,
А только взглядам.
Судьбу читали по слогам
И верили врагам заклятым.

Отдали небо воронью,
Свободу — пьяному конвою,
Заокеанскому вранью
Кивали дружно головою.

Блуждали в сумеречной тьме,
Себе и всякому постылы,
Не каждый был в своём уме,
Рядами множились могилы.

Презрели мужества призыв,
Просили жалобно пощады
И лгали из последних сил...
Ну, а враги — те были рады.

Зимний вапье

Какие па мы делали с тобою,
Скользя по кромке облачного дня,
Смешавшись с белой вьюгой и толпою,
Наивную восторженность храня.

Какие дни мы проводили вместе,
Храня в душе восторга благодать.
Каких времён нас ожидали вести,
Нам и теперь их смысл не угадать.

В нас было всё — порыв и вдохновение.
Отмеченные общею виной,
Рыдали мы в час горького прозрения,
Раздавленные рухнувшей страной.

Забудет всё — вождей тупые лица,
Предавших нас и преданных судьбой...
Всё, что прошло, уже не повторится —
Ни эта жизнь, ни даже мы с тобой.

О, женщина-мать, ты плачешь о сыне любимом,
Безумная речь твоя многих прохожих смущает,
Ты руки вздымаешь, ты к небу свой взор обратила
И просишь пощады, о смертной природе рыдая.

Не видишь ты солнца, не видишь ты зелени сада,
И жизнь для тебя свою прелесть давно потеряла,
Ты милости просишь, смиренно суда ожидая,
Слезами своими ты наши грехи омываешь.

Мы жили во тьме — несчастные дети Адама,
Разрушили храмы и ложные храмы воздвигли,
Жестоким богам приносили кровавые жертвы
И в капищах мрачных кипели преступные страсти.

О, женщина-мать, мы все твои дети больные,
Идём по земле и не ведаем цели и смысла...
Ты плачешь о тех, о которых уж некому плакать,
И ночью, и днём ты стучишься в высокие двери.

Мы все едины и вольны
В трагическом и самом важном,
И если даже мы больны,
И если даже очень страшно.

Зажмурь скорей свои глаза,
Не трусь и я тогда не струшу,
Пусть набежавшая слеза
Омоет трепетную душу.

Ты крепче за моё крыло
Держись — и мы над миром взмоем.
Зачем ты плачешь мне назло,
Я, право, этого не стою.

Смиряя родовую прыть,
Познав всё сущее до йоты,
Мне хочется в себе открыть
Ещё непознанное что-то.

Забыть убогое житьё,
Всё то, что пролетело мимо,
Отдать чужое и своё,
И полюбить, что нелюбимо.

Земная жизнь пред вечностью ничтожна,
Но так крепка её тугая нить,
Лишь в ней одной спасение возможно,
Лишь в ней возможно вечность изменить.

Пусть времена приходят и уходят,
Но верен Бог и Дух Его, и Сын,
Сгорит весь мир — всё тварное в природе,
Но вечен Бог и я пребуду с Ним.

Я буду слушать, как ликует птаха,
Я выучусь у ней беспечно петь,
Но будут дни, как наказания плаха,
Но будут дни, как правосудья плеть.

И лишь одно теперь меня печалит,
Душа пред Ним, как стылый лист, дрожит —
Прошла ли жизнь, беспечная вначале,
Или я только начинаю жить?..

Содержание

Встреча	3
Пробуждение.....	4
Ответ.....	6
«Когда душа безмолвно будет падать...»	7
«На дне реки, где ил и запустение...»	8
«Иду по листьям сентября...»	9
«Мелодию весны выводит соловьяха...»	10
«Синий сумрак, подтаявший снег...»	11
«Как слепые, бредём наугад...»	12
«Уходит Русь спасительной дорогой...»	13
«Вот и горечи нет...».....	14
«Там в полумраке бедных келий...»	16
«Слышу издали звон колокольный...»	17
«Ты Россию с древних лет...»	18
«Моя душа на привязи живёт...»	19
«Я разгадал коварство слов...»	20
«Возьми меня в желанный сад покоя...»	21
Небесная лечебница.....	22
«Молитва тихая звучит...».....	23
«Эта древняя книга меня возродила...»	24
«Но мне всего казалось мало...»	25
Где же край у земли?	26
«Проходит всё — и радость, и тревога...»	27
«Зажглась звезда одна, вторая...».....	28
«Премудрости самой...»	29
О, бабочка, лети!	30
Богоявление	32
Вечерний свет	33

Небесные огни.....	34
«Пишу стихи, но всё не то...»	35
«Ты сотворил земную твердь...»	36
«Загляделась церквушка на небо...»	37
«Роза спалила обветшалый кров...»	38
Нищие	39
Санаксарский монастырь.....	40
«Век наш суетный и бесполезный...»	41
Голубиная почта	42
Храм.....	43
«Я слышу музыку миров...»	44
«Давай не будем горевать...»	45
«То, что выпадет мне, то и будет...».....	46
«На грани дня, минуты и мгновения...»	47
«В кругу друзей, в минуты озаренья...».....	48
Великая Суббота	49
«Я погружаюсь медленно на дно...»	50
«Расходилась пурга — кот озябший скребётся у двери...».....	52
«Я, может быть, умер уже...»	53
«В чужой сторонushке безвестной...»	54
«Казалось мне, жизнь будет длиться вечно...»	55
«Хлеб насущный, да это ли важно...»	56
«Вручили всем жаждущим зла по ножу...».....	57
«Скажи мне, что любовь такое...»	58
«...когда же схлынет суета...»	59
«Я вспомнил наш дом у заросшей запруды...»	60
«Я похож стал на зверя лесного...».....	61
«Закат упал в сентябрь...».....	62
Проводы.....	64
«Преодолев глухую тяжесть плоти...»	66
«Ты глядишь на меня с упрёком...»	67
«Не потому, что этот мир без цели...»	68
«Разлука — маленькая смерть...»	69
«Земля толпой истоптана, избита...»	70

«Полыни пью вечернюю отраву...»	71
«Соль рассыпалась на стол...»	72
«Удушливый ветер и зной...»	73
«Закружилась шальная метель...»	74
Солнечный поезд	75
«Я голос твой в толпе узнал...»	76
«Дешёвого выпьет вина...»	77
«Я мир изменчивый не понял...»	78
Твоё дыханье	79
«Что ж ты медлишь — руками всплесни...»	80
«Жёлтых листьев тревожная дрожь...»	81
«Тонкой струйкой льётся свет...»	82
«И звенят, и шумят, и поют...»	83
«Я возвращусь, влекомый тайной силой...»	84
«Горюй, душа моя, горюй хоть напоследок...»	85
Романс	86
«Ты — цыганка, а я — конокрад...»	87
«Глаза закрыв, я даль иную вижу...»	88
«Весёлым людям доверяю...»	89
«Когда мой сад зашевелит крылами...»	90
«Жить хочу я...»	91
«Там, у дощатого забора...»	92
«День светел был, а ночь темна...»	93
«Снегов развеяны заставы...»	94
Ночной перрон	95
Всё прочее — мелочь	96
Снова вспомнится мне	97
«Времени прошло немало...»	98
«Окончен драмы грустный акт...»	99
«Когда-то в этих вот местах...»	100
В общежитии	101
«Ты меня не гнала, не держала...»	102
«Побрит, пострижен, отутюжен...»	103
Хозяйка Медной Горы	104

Вечерняя заря	106
Теплоход	108
«Придёт ли новый день...»	109
Стихи про гвоздь	110
«Я был всегда, я есть, я не уйду...»	111
«Я расскажу тебе...»	112
«Свет растворён в воде...»	114
«Зачем ты плачешь...»	116
«Было время — мы были безлики...»	117
Шаги	118
Сезон дождей	119
Баллада о времени	120
«Это жёлтое пламя ветвей...»	122
«Синий мяч и взлетающий змей...»	123
«В моём тихом жилище...»	124
«Так и пели, от грусти немея...»	125
«Выспрашиваю у соседа...»	126
«Когда угаснут и слова, и тени...»	127
Моё кредо.....	128
«Весь мир ослеп. Не верь своим глазам...».....	129
Охотничье братство	130
«Вкусили плача и ушли...»	131
«Ничего, только звуки и ветер...».....	132
«Стукну в ставню — в ответ только эхо...».....	133
Весть	134
«Я говорил, ты слушала устало...».....	135
Цапля	136
«Угрюмых недр непостижим характер...»	138
«Облетела по скверам листва...»	139
Возвращение.....	140
Утянка	141
«Иду по улице, кривая тень луны...»	142
«Трону чуткую тень и уйду навсегда...»	143
«Лебеда и полынь...».....	144

«Пахнуло дымом, сыростью и тленом...»	146
«Там, во дворе, минуты детства для...»	147
«Гора щепы берёзовой, чурбак...»	148
Белая сирень.....	149
«Я заскучал по сельскому жилищу...»	150
Журавлиный плёс	151
В родниковом краю	152
«Смыв соль югов, на дачу брошу кости...»	153
«Я видел сон — трагический, тревожный...»	154
«Вставляю ногу в тяжёлое стремя...»	155
«Поживу я в городе...»	156
«Деревья и воздушны, и легки...»	157
Воздушные акварели	158
«И детство кончилось...».....	160
«Мороз пощипывает пальцы...»	161
Стриж.....	162
Рыжие кони.....	163
Веточка сухая	164
Осень.....	165
Гость.....	166
Душа.....	167
«На чердаке воркуют сизари...»	168
Ночной костёр	169
«Запах вдыхаю особый, лесной...»	170
«Не зови, что ушло, на минувшее время не сетуй...»	171
Скрипка	172
«Соберу пожитки я свои...»	173
Речной вокзал.....	174
«На пустыре наискосок...»	175
«Возвратите мне юность мою...»	176
«Память больную измучаю...».....	177
У вокзала	178
В серебряной мгле	179
Кулунда	180

«Воздушных ситцев лёгкие наряды...»	181
«Что для Вселенной пять часов...»	182
Золотая карета	183
«Соберу я на дорогу вещи...»	184
«Стихнет ветер у плетня...»	185
«Притих смиренный день...»	186
«Лёгкий вздох, прикосновение...»	187
«Отгорела сонная листва...»	188
«Звёзды юга, скользящие вниз...»	189
За рекой обмелевшей	190
«Я жил во тьме холодного барака...»	191
Автобус	192
«Опали листья грудой медяков...»	193
«Коварен сумрачный прибой...»	194
В провинции	195
«Что огонь, что вода — всё одно...»	196
«Под разливы собачьего лая...»	197
«Моя душа живёт на пепелище...»	198
«За дорогой, где гаснут рябины...»	199
Белые занавески	200
Поздний ужин	201
Гроза	202
Снегирь	203
Воспоминание	204
«На берегу далёкого залива...»	206
«Отзвенела молодость по струнам...»	207
«Мне тебя не узнать...»	208
«И дождь оплакивает сад...»	209
«Зачем кричу, восстав над чёрной далью...»	210
«Отчего, не пойму, в этом мире так много печали...»	211
«А бомж он тоже человек...»	212
Слепота	213
«Аспирина даст аптекарь...»	214
«Гудящих вихрей злая пляска...»	215

«Бессвязных слов негармонична мера...».....	216
Поэт	217
Гладиатор	218
Слепой человек	219
Гармонист	220
Зима	221
Тяжёлый разговор	222
«Хорошо ему бляеть барашком...»	224
«По обочинам шумных дорог...»	225
Самурай.....	226
Тост.....	227
«В этой туче нахмуренной — снег...».....	228
Обезглавленный храм.....	229
«Древний мир затерялся в жнивье...».....	230
«Я смотрел на разбитые стены...»	231
«И год прошёл и десять лет...»	232
«Во дворе в этот час ни души...»	233
«Всё отдали — и дом, и домовых...»	234
«Весенний луч, полуулыбка...»	235
«За окошком стучат в домино...»	236
«В смирении мне хочется молчать...»	237
«Гудит вокзал и ветер, будто нищий...».....	238
«Воскресный перезвон...».....	239
«Устав от бесполезного труда...»	240
Волшебная свирель зимы.....	241
«Как дальше жить? Сотри ладонью слёзы...»	242
«Ну, вот и стали мы взрослей...».....	243
«В нашем городе снег...»	244
«Он идёт сквозь туман наугад...»	246
«Мы боимся врагов, мы боимся друзей и любимых...».....	247
«Этих вёсен растаявший след...»	248
«Ну, что же, спасибо, родная...»	249
«Мы шагали по жизни не в ногу...»	250
«Пока не насытится глаз...»	251

«Тянулись деревянные повозки...»	252
«Всего лишь был ветер...»	253
«В начале мира было слово...»	254
«Мы все уйдём и не вернёмся...»	255
«Кружится низко птичья стая...»	256
«Я стою над бегущей волною...»	257
«Отзвучали печальные звуки...»	258
«И время требует к ответу...»	259
Россия в огне	260
«Всё в пламя, всё...»	261
«Ну, подумаешь — сбили кресты...»	262
«Среди толпы верша свой путь...»	263
«Тёмно-синяя даль, переливы весеннего гула...»	264
«А снег идёт, как белый кот...»	265
«Не доверяли мы словам...»,	266
Зимний вальс.....	267
«О, женщина-мать, ты плачешь о сыне любимом...»	268
«Мы все едины и вольны...»	269
«Смирная родовую прыть...»	270
«Земная жизнь пред вечностью ничтожна...»	271

Литературно-художественное издание

Юрий Александрович Сизов

ПРОБУЖДЕНИЕ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Ольгу Васильевну Рыбакову,

Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 23.05.2011. Формат издания 84х108/₃₂.

Объём 14,7 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»

г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82